коллекция журнала

ФОМА

ЧИТАЕМ ВМЕСТЕ 12+

Читаем с семьей на Рождество

Представляем очередное издание из серии “Коллекция журнала “ФОМА” для электронных книг и программ чтения книг в форматах ePUB и PDF на мобильных устройствах.

Серия “Коллекция журнала “ФОМА” основана на материалах редакции.

ВНИМАНИЕ!

Полные выпуски доступны в приложении Журнал “ФОМА” в AppStore и GooglePlay, а также вы можете получить их оформив редакционную подписку на оригинальное бумажное издание.

ИД “ФОМА”

2019 г.

(С)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Читаем вместе с детьми на Рождество

1. Марина Симакина, «Лимон на ёлке»
2. Виктория Корхова, «Рождественская Лошадка»
3. Максим Яковлев, «Дар случайный»
4. Данила Симонов, «Братья Снежкины»
5. Антонина Воронцова, «Самая чудесная елка»
6. Лариса Подистова, «Плюшка»
7. Максим Яковлев, «Калямка»
8. Наталья Савушкина, «Здравствуйте, я – Дед Мороз»
9. Сергей Лукьяненко, «Девочка с китайскими зажигалками»
10. Виктория Дегтярева, «Папа для Максима»
11. Людмила Дунаева, «Эльфрин»

От издателя

Рождество – время чудес.

Мы читаем о них в святочных рассказах, мы слышим о них в жизни.

Наверняка, с каждым из нас в эти дни случится свое маленькое чудо.

Главное – не пропустить его!

Лимон на елке

История про самый сладкий подарок в жизни

Рождество и Новый год – любимейшие праздники у всех. Они заранее начинают волновать своим приближением. Пробежки по магазинам в поисках подарков для детей и друзей создают радостную суматоху. Хочется дарить и получать радость. И подарок – символ этой радости. А как приятно ожидать старта новой жизни, которая непременно! – начнется сразу же с первого января…

А у меня Новый год однажды наступил в октябре.

Я сильно простудилась, переболела. Придя в школу после болезни, тут же подхватила грипп, а через несколько дней покрылась ярко-красной сыпью. В районе бушевала корь. Прививки против кори тогда не делали, эпидемия распространялась быстро. Трое суток я лежала в полубессознательном состоянии с температурой выше 40. Врач детской поликлиники, пришедшая на дом по вызову, устало сказала, что ослабленный организм вряд ли справится с новой напастью и надо готовиться к худшему.

Отец отличался взрывным характером, и готовиться начал бурно: поднял на ноги всех знакомых и знакомых тех знакомых и нашел старенького профессора-педиатра, которого привез домой для консультации. Тогда

частные визиты докторов не практиковались, старичок отчаянно упирался, боясь неприятностей, но сопротивляться отцу было невозможно.

И вот, доставленный под конвоем отца, озирающийся профессор входит в нашу комнату в коммуналке с дымящей печкой, видит плачущую маму и разметавшуюся в жару маленькую девочку с температурой 41,1. Что он может сделать? Что ему посоветовать, когда лекарств почти нет, покупать фрукты зимой бюджет нашей семьи не позволяет, а витамины обычно набираются из варенья и квашеной капусты? И он посоветовал сделать мне ванну, чтобы снизить температуру, нарезать дольками лимон, пересыпать его сахаром и с ложечки вливать этот сок по капелькам в рот – сама есть и пить я не могла.

Казалось бы, чего проще? Но в нашей коммуналке не было ни ванны, ни душа, ни даже горячей воды. Мыться по субботам ходили в баню, а для стирки или мытья посуды воду грели в кастрюлях на плите. Но больному ребенку нужна ванна. Доктор сказал. Профессор! Воду нагрели на плите в ведрах, взятых у соседей, – у нас самих было только одно ведро. Большое корыто одолжили у жильцов с другого этажа, притащили в комнату и искупали меня, предварительно смерив температуру воды локтем. Оставив мать вычерпывать кастрюлей воду из корыта, отец пошел искать лимон,

Девять вечера. Магазины закрыты. Ночных магазинов тогда не существовало, да и днем-то торговать было особо нечем. Отец поехал в «Арагви» – ресторан в центре Москвы, в котором «все было», но безумно дорого. Лимоны там он увидел, но продать их ему отказались, – они предназначались только для клиентов. Отец прорвался на кухню поговорить с шеф-поваром. Как и о чем они говорили, он никогда не рассказывал.

Но лимон ему дали. Целый. Не бесплатно, как мне подумалось в первую минуту: дескать, пожалели умирающую девочку – у каждого есть свои дети, вот и вошли в положение… Но на кухне дорогого ресторана поступать в традициях рождественских историй не принято. Отец выложил за лимон месячную зарплату, за которой съездил домой, да еще пришлось подзанять у соседей, потому что часть денег из зарплаты уже была истрачена. И вдобавок отдал полученный за храбрость фронтовой серебряный портсигар. Именной. В нашей семье его ценили выше медалей: медали и ордена имелись почти у каждого оставшегося в живых фронтовика, а портсигар или именные часы – не у всех.

Отец сам нарезал лимон, пересыпал сахарным песком и аккуратно слил капельки сока, оставшиеся после резки на дощечке, в стакан. На лимон положили грузик, чтобы он быстрей пустил сок. Капал мне его с ложечки тоже отец, потому что боялся, что у наплакавшейся, перенервничавшей мамы будут дрожать руки, и она прольет драгоценную жидкость.

Когда я очнулась, отец сказал:

– С Новым годом!

После выздоровления я спросила, почему он меня поздравил с Новым годом осенью.

– С новым годом по календарю жизни, – коротко сказал отец.

Вот так я справила Новый год в октябре, получив лимон – сладкий дар жизни. Участковый врач потом сказала, что я выздоровела чудом. Волшебной палочкой, сотворившей чудо, стала любовь и энергия моего отца.

С тех пор каждый год на моей елке среди разноцветных шаров висит лимон, перевязанный яркими нитями «дождика» – золотой шар в память о моем отце, давшем мне жизнь и спасшем ее.

Марина Симакина

Рисунок Екатерины Гавриловой

Рождественская лошадка

Рассказ-быль

Этот рассказ основан на реальных событиях. Его героиня — Александра Васильевна Аксёнова — живёт в Санкт-Петербурге, работает заведующей отделом иностранной литературы библиотеки Санкт-Петербургской Духовной академии и семинарии.

* * *

«Тик-так, тик-так, тик-так…».

«Откуда здесь наши ходики?» — удивилась девочка. — Разве я дома? А где же лес?».

Но это и впрямь был бабушкин дом. Девочка прижалась к печке иззябшим тельцем. Хорошо-то как! Тепло-тепло! Заледеневшие руки и ноги сразу отогрелись, стали горячими…

— Аленька, радость моя, иди скорей ко мне. Я тебе сказку почитаю…

— Бабушка! Миленькая моя, хорошая моя, бабуля любимая!.. — она бросилась к бабушке: — Значит, ты не умерла?!

— Нет, Алюшка, нет! Ты всё узнаешь, всё поймёшь… Пойдём, пойдём, я тебя уложу… Спать уж пора. Вот твоя любимая книжка… И не забывай, детонька! Выручит тебя Великомученик. А теперь сказка… Ну, слушай…

Ласковый бабушкин голос убаюкивает, убаюкивает, убаюкивает…

…«Так начинается сказка…» — прозвенел вдруг чей-то хрустальный голосок и исчез.

Вместо потолка над Алей оказалось ночное небо. Пушистые снежинки закружились в танце… Их становилось всё больше и больше, они прижимались друг к другу, превращаясь в белоснежно-молочное облако. А потом из этого облака явилась на свет грациозная белая лошадка. Она полетела по ослепительно-чёрному небу и запела: «Христос раждается, славите…». Чья-то невидимая рука метнула в небо мириады звёзд, и они тоже запели: «Христос раждается, славите…».

Становилось всё светлее и светлее… Но что это? Новая звезда зажглась на небе! О, как она красива!.. И звёзды, и снежная лошадка устремились к ней.

Стало тихо-тихо…

— Аля! — позвал кто-то вполголоса, — Аля!

* * *

Девочке родители дали торжественное имя Александра, но и мама, и папа, и бабушка, а значит, и все ласково называли её Алей.

Аля рано лишилась матери. Большую часть года девочка жила с папой в Ленинграде, лето же проводила у бабушки в деревне.

В конце июня 1941 года Алин отец наконец-то взял отпуск — впервые за многие годы. Это лето он решил провести в деревне с дочкой…

По приезде Аля тотчас побежала к своему любимому месту — часовенке

на холме.

Бабушка рассказывала, что на этом холме пятьсот лет назад явился людям сам великомученик Георгий Победоносец. Он приплыл по ручью в эти края на каменном кресте. В том месте, где крест остановился, и была построена часовня. Позже этот крест поставили к алтарной стене Георгиевского храма. А к целебному ручью стали приходить богомольцы. Многие из них излечивались от своих болезней.

Аля набрала в ладошки воды и полила обнажившийся корень лиственницы. Кто знает, может быть, это дерево помнит святого Георгия — ведь лиственницы долго живут, говорят, до тысячи лет…

— Святой Георгий, не оставляй нас!

Слова, произнесённые девочкой вполголоса, тотчас повторили все окрестные холмы: «Святой Георгий, не оставляй нас… Святой Георгий, не оставляй нас… Святой Георгий, не оставляй нас…».

Бабушка говорила, что воздух у часовенки имеет чудесную особенность действовать умиротворяющее, а произнесённые даже очень тихо слова тут же воспроизводятся всеми горками и возвышенностями.

Аля прилегла под лиственницу, зарылась в пахучую траву и замечталась: впереди было много-много летних дней с папой…

— Аля! Аля! — разбил хрустальную тишину папин голос.

«Аля… Аля… Аля…» — отозвались взгорья и пригорки.

К часовне приближался отец. Даже походка его говорила: случилось что-то страшное.

— Доченька, — прошептал он, — война…

«Война… война… война…» — беспокойно зашелестели холмы…

* * *

Фашистские войска стремительно захватывали города и посёлки. К концу лета 1941 года гитлеровцы вошли и в Алину деревню. Они забрали всё колхозное имущество — скот, инвентарь, собранный урожай. Врывались и в дома селян, уносили всё, что им попадалось на глаза.

Отец, вместе с другими мужчинами села, заранее ушёл в лес — к партизанам. В деревне оставались только дети, старики и женщины.

Зима 1941–1942 года была необычайно суровой. Но, несмотря на морозы, партизаны вели активные действия против неприятеля: взрывали мосты и дороги, портили телеграфную и телефонную связь,

поджигали склады и обозы. Пущенные под откос поезда и взорванные железнодорожные линии вызывали ужас у фашистов. К зиме они оказались неподготовленными: не было ни тёплой одежды, ни запасов продовольствия.

В ту зиму и умерла Алина бабушка.

Девочку приютила соседка. Но и она вскоре оказалась на улице: её дом, а заодно и Алин спалили немцы. Соседка ушла к партизанам. А Алю забрал дед Георгий — колхозный сторож. У него девочка жила до осени 1942 года. Но потом стало совсем уж голодно, дед Георгий не в силах был прокормить девочку. Поэтому к зиме поселяне решили брать Алю к себе домой — по очереди. Девочка приходила в избу вечером, ночевала, её кормили — кто раз, а кто и три раза в день — чем Бог послал. Следующим вечером ночевать и столоваться Аля шла в другой дом.

А ещё в конце лета в деревню откуда-то приехали чужие люди, вселились в пустующую избу за леском, хозяйство завели. В такое-то время! Ничего плохого за пришлыми не замечали, но и хорошего никто о них не говорил.

В Сочельник из-за леска повеяло запахом пирогов. И тогда дед Георгий решил изменить установленную очерёдность.

— Вот что, внучка, — сказал он Але. — Пойди-ка ты на эту ночь к нашим новым соседям. У них-то тепло и сытно, пироги вон испекли… Чай, не обидят, праздник всё ж таки — Рождество Христово!

* * *

— Ну, и звал тебя кто сюда? Зачем пришла? Иди, иди, откуда пришла! — и хозяин захлопнул дверь прямо перед Алиным носом. Аля испугалась до слёз: так грубо с ней никто не разговаривал. Быть может, не понял этот сердитый человек, зачем она пришла. И девочка несмело стукнула

кулачком в дверь:

— Дяденька, меня дед Георгий прислал… Велел передать, что сегодня ваша очередь…

— Сказал же: вон отсюда, попрошайка! Нет ничего у нас! Стучать будешь — собаку спущу. Уходи, говорю!

* * *

Зимой темнеет рано. Тропку девочка нашла с трудом: небо заволокло тяжелыми тучами, ни одна звезда сквозь них не пробивалась.

В лесу было совсем темно, и Аля заблудилась.

Плакать и кричать — бесполезно: в такую пору в лесу никого нет. Да и где бы взяла девочка сил на крик: в ней, слабенькой и худенькой, еле-еле теплилась жизнь. К тому же со вчерашнего дня она и капли воды в рот не взяла. Дед Георгий сунул было сиротке перед дорогой варёную картофелину, но она отказалась: «Не буду есть до первой звезды».

Аля присела на пенёк, развязала верёвки, держащие на её ногах огромные галоши. Полотенца, которыми были обмотаны Алины ноги, обледенели. Девочка с трудом стянула с себя эти ледяные сапоги, растёрла ноги. Что же делать? Опять натягивать? Из-под старой бабушкиной кофты, служившей ей шубой, она вытянула ветхую шаль, разорвала её пополам, обернула ноги. Вытряхнув снег из галош, Аля опять привязала их к ступням.

Сидеть было нельзя. Это Аля знала точно. Отец рассказывал, как его друг заснул на морозе и не проснулся. Но куда идти? Как искать дорогу? Девочка решила ждать рассвета, но чтобы не замерзнуть, стала подпрыгивать.

У бабушки были замечательные ходики в виде чёрного хитрого кота. «Тик!» — жёлтые глаза кота бежали влево. «Так!» — и глаза спешили направо.

«Тик!» — и Аля подпрыгивала на левой ноге. «Так!» — и Аля подпрыгивала на правой. «Тик!» — на левой. «Так!» — на правой. «Тик!» — на левой. «Так!» — на правой. Эта игра развеселила и даже согрела девочку. Но силёнок-то у Али было совсем мало, и она очень быстро устала.

Что бы ещё придумать?!

Девочка огляделась. Невдалеке стояла огромная пушистая ель. Мохнатые нижние лапки её согнулись под тяжестью шишек, получилось что-то вроде пещеры. Аля раздвинула ветви, заглянула. Снега под елью почти не было. Девочка наклонилась и воткнула озябшие пальчики в прошлогоднюю хвою. Тепло! И Аля нырнула в еловую пещерку.

«Как здесь хорошо! — подумала девочка. — Летом придём сюда с девочками, поиграем…». Аля прижалась к шероховатому стволу — стало теплее: «Скоро родится Христос… Ему-то ещё хуже было в ту ночь… А я потерплю!»

Пошёл снег. Он становился всё гуще и гуще. И вот еловая пещерка полностью покрылась снегом. Аля не знала: ночь ещё или утро наступило. Сил не было. Тело задеревенело.

— Святой Георгий, помоги! — шевельнула побелевшими губами девочка.

* * *

— Н-но, н-но! Ну что ты встала?! Н-но! Лошадушка, милая, что с тобой? Давай, моя хорошая! Уж почти на месте! Н-но!

Но напрасно дед Георгий её уговаривал. Ни с места! Снежинка — так лошадь прозвали за удивительную масть, белоснежно-молочную — упрямо стояла, повернув морду к огромной ели…

…Дед Георгий проснулся рано — будто разбудил кто. Запряг старую колхозную лошадку — до войны на ней обед на поле возили. (Немцы не тронули Снежинку: старая да тощая — толку никакого.) Тяжесть какая-то была на душе у старика: казалось, будто неладно что-то с Алюшкой. «Дай, — подумал, — съезжу за ней. Вечор всё замело. Морозище. Как возвращаться-то будет в галошах своих?!» Поехал.

А тут Снежинка встала в лесу. Уговаривал, убеждал, даже голос повышал — не помогло. И дед замёрз, и лошадь дрожит. Дрожит-то дрожит, а идти не хочет. Смотрит на ель.

Заглянул дед Георгий в глаза лошадиные, а в них тоска и слёзы катятся. Да что же это такое?! Махнул старик рукой:

— Ладно, посмотрю, что там!

С трудом дошёл до ели: так намело. Снег стал разгребать. Добрался до лап еловых. Ну и что?! Ель и ель. Ну шишки. Повернул было обратно, да Снежинка так жалобно заржала — заплакала будто. Раздвинул дед ветви:

— Господи, помилуй! Аленька!!!

* * *

В избу к деду Георгию собралась вся деревня. Старик плакал от радости и всё время повторял: «Христос с небес… Христос на земли… Пойте Господеви вся земля…»

Девочку как следует растёрли спиртом, напоили тёплым чаем, и она уснула. Решили селяне: сиротка будет жить у деда Георгия, а уж они позаботятся, чтобы Аленька нужды ни в чём не знала, а дальше — как Бог даст.

Проснулась Аля только на следующее утро — румяная, весёлая, будто и

не было ничего, обняла старика:

— Дедуля, святой Георгий тебя привёл! А лошадка наша непростая — рождественская. Я слышала, как Снежинка пела «Христос раждается, славите…»

С тех пор так и стали величать Снежинку: рождественская лошадка.

* * *

Деревня, где происходили описываемые события, называется Ложголово, находится она в Ленинградской области. Храм во имя великомученика Георгия, закрытый в советские годы, ныне реставрируется, в нём идут службы.

Виктория Корхова

Дар случайный…

В тот день город Полынск пронизывал сырой рваный ветер, слетевший с залитого дождями предгорья. Редкие машины размётывали колёсами снежную кашицу на привокзальной площади, в середине которой, раскачивая гирляндами, стояла новогодняя ёлка. Был вечер, кое-где зажглись фонари. Оставалось два часа до прибытия последнего поезда на Москву. В здании вокзала вместе с другими ожидая поезд сидел, изнывая от скуки молодой человек тридцати двух лет, оказавшийся в этом городке по делам фирмы, в которой работал, проводя свою жизнь, большей частью, в командировках. Теперь, когда он выполнил поручение, ему не терпелось поскорее уехать отсюда, чтобы успеть на Рождество в кругу знакомой компании. От чтения книжки, купленной им в газетном киоске, тянуло в сон.

Он вышел на улицу и направился в сторону небольшого кафе, прикрываясь плечом от хлеставшего моросью ветра. В кафе ему налили чашку горячего кофе.

— Вам с сахаром или без? — спросила его продавщица.

— Без, — ответил Сергей.

Кроме того, он купил себе несколько пирожков и салат, и встал за столик в углу, рядом с человеком в мокрой зелёной шляпе, жующим котлету. Было немного шумно. Возле дверей стоял с шапкой в руках мальчишка, явно переросший свою одежду, состоящую из лёгкой куртки и, похоже, бессменных, потрёпанных мальчишечьей жизнью брюк. Каждому проходившему мимо него он повторял виновато одно и то же: «Помогите нам, пожалуйста». Ему бросали мелочь, конфеты; кто-то сунул ему жевачку… Сергей допил кофе, поставил чашку на блюдечко. Своей семьи у него не было. Были встречи и расставания с женщинами, и может быть (вполне возможно) где-то жил сейчас на свете и его родной сын, такой же как этот мальчишка, о котором он ничего не знает…

Выходя из кафе он тронул его за плечо и сказал:

— Пойдём-ка.

На улице стало заметно темнее, но ветер стих.

— Ну, и зачем тебе деньги? — поинтересовался Сергей.

— На жизнь, — ответил мальчишка.

Отвечая на вопросы, он рассказал, что учится в пятом классе; что живёт вдвоём с мамкой, но она лежит больная, и что он хотел набрать им на Рождество немного денег…

Сергей повёл его в магазин.

— Макароны, крупа в доме есть? Рис нужен? — спрашивал он.

Мальчишка видно не ждал такого оборота событий, но спохватившись, кивнул.

— Так, дайте нам ещё чаю большую пачку, сахару килограмм. Нет, лучше два. Пачку масла… — диктовал Сергей продавцу.

Поначалу он покупал то, что ему представлялось самым необходимым. Потом, переходя от витрины к витрине, незаметно увлёкся, показывая на более дорогие продукты. Может быть, перед ним вставали картины того эффекта, который должны произвести его подарки в убогом жилище, где наверное давно позабыто о самом существовании подобных лакомств, и каким необыкновенным чудом предстанут они в глазах измученной нуждой и болезнями женщины? Может быть, это и подстёгивало воображение при выборе им продуктов, и его фантазия едва могла угнаться за разыгравшейся щедростью, заставляя называть среди прочего и коробку самых лучших конфет, и упакову с персиками, и даже шампанское… и остановиться в этом было чрезвычайно трудно. Наверное, он чувствовал себя волшебником.

Всё купленное поместилось в один огромный, но прочный пакет с пластмассовыми ручками. Сергей расплатился, и они направились к выходу.

— За собою следит, а сына одеть не может, — сказал кто-то про него за спиной.

— Так может он и не сын ему, — сказал другой.

— Да ты погляди — на одно лицо…

И правда, они были чем-то похожи.

Вышли и встали у перекрёстка. Сергей посмотрел на него.

— Донесёшь? — спросил, передавая пакет с подарками.

— Спасибо, — сказал мальчишка, принимая пакет.

Он ещё постоял с минуту, не зная как ему уйти теперь с таким богатством… неумело поклонился, и, повернувшись, побежал через дорогу на другую сторону улицы и дальше, к коробкам чёрных домов уже сливавшихся с чёрным небом, зияющих в нём квадратами жёлтых окон.

— С Рождеством! — крикнул Сергей вдогонку.

Откуда-то слышалась музыка. Сергей ещё побродил по городку, заглядывая с улыбкой в витрины, поговорил с большой белой собакой… Через полчаса посмотрел на часы и пошёл неспеша к вокзалу. Вдруг остановился, словно одёрнутый невидимою рукою. Полез в сумку, где лежал билет и его записная книжка, потом в нагрудный карман…

— Билет…

Билета на поезд не было. Подойдя к фонарю, стал он копаться в сумке, обследовал старательно все карманы. И всё бестолку.

— Что за чушь!

Все деньги, бывшие у него в куртке, до рубля, потратил он на покупку подарков. Хотя, в торце сумки, в маленьком отделении, должна находиться небольшая сумма, положенная им на всякий случай, вполне достаточная, чтобы её хватило на билет до Москвы. Заглянул и туда. Но

пропали и деньги.

— Не понял, — сказал нахмурившись.

Он снова и снова рылся в карманах и перетряхивал сумку, до тех пор, пока ни пришло к нему окончательное осознание того, что так и есть: он остался теперь без билета и денег.

— Кто? И где? — спросил он себя.

По улице ходили люди, с виду ничего никогда не терявшие.

— Мальчишка не мог, это точно, — считал Сергей, — он и стоял-то всё время отдельно…

Действительно, мальчишка был ни при чём.

— Зелёная шляпа! Больше некому. Сумка висела с его стороны… а я ещё отходил от столика за салфетками.

Он резко развернулся, и на ходу поправляя сумку, направился к тому кафе. Скоро он уже подходил к нему. За его стеклом было видно нескольких посетителей, а в том самом углу над чьей-то фигурой маячила зелёная шляпа! Сергей ворвался в кафе и бросился к угловому столику. Но здесь его ждало полное разочарование. Шляпа оказалась чёрной, надетой на старика с длинным жёлтым лицом. Единственным зелёным пятном был невесть откуда и как прилепившийся к ней зеленоватый конфетный фантик. Не говоря уж о том, что этот старик был совершенно не похож на того типа, который жевал здесь свою котлету. Сергей протянул было руку к злополучному фантику, но старик так удивлённо посмотрел на него, что ему пришлось оставить своё намерение. Он осмотрел пол, ничего не найдя на нём, подошёл к продавщице и даже открыл рот, чтобы спросить её… но видно

почувствовал, что всё бесполезно, и только махнул рукой. Выходя из кафе он опять увидел стоящего у дверей мальчишку…

Какое-то время Сергей смотрел на него, словно не веря своим глазам. Потом стал допытываться, в чём дело и что он тут делает, и куда подевались купленные им подарки? Где они?

— Бомжак украл, — ответил ему мальчишка.

— Какой бомжак?

— Они там… я шёл, а он говорит: «У тебя пакет дырявый». Я пакет поднял вот так, и тот сзади мне на глаза шапку надвинул и ударил сильно, два раза. А другой вырвал пакет из рук, я даже не видел… Я шапку скинул, а их нету. Никого! я даже не знаю, в какую они сторону делись…

— Понятно, — сказал Сергей.

Посмотрел на его распухшее ухо и вышел из кафе, с силою хлопнув дверью. Вряд ли он понимал, что сейчас происходит с ним. Он ругался. Он говорил так громко, что люди старались не обращать на него внимания, делая вид, что им слишком хорошо известно, в чём тут дело.

— Господи! ну, почему так? Что я сделал? За что мне такое?! За что я остался без денег, без всего! Разве я не сделал здесь доброго дела, чтобы хотя бы уехать из этого паршивого городка!..

Он едва успел вскинуть голову, увидев вдруг выросшего пред собою ангела. Воздух развевался над ним волнами.

— Я идиот! — крикнул ему Сергей. — Посмотрите на последнего

идиота, который возомнил себя благодетелем, расщедрился на подарки сиротке! Да лучше бы я эти деньги…

Договорить он не успел. Лба его, как молния, коснулась десница ангела. И всё исчезло.

Он очнулся на вокзале, в зале ожидания, сидящим с сумкою на коленях, среди всеобщего терпения и молчания пассажиров. Первым делом проверил билет и деньги, все было на месте. Он встал, прошёлся по вокзалу. Пару минут постоял, глядя на мигающую огнями ёлку. До прихода поезда оставалось около часа и он не нашёл ничего лучшего, как пойти прогуляться по улице. Подошёл к небольшому кафе «стекляшке». В этот момент из приоткрывшейся двери кафе вырвался чей-то сердитый голос:

— Иди-иди отсюда, нечего тут прикидываться! Знаем, на что вы все собираете…

Затем чья-то рука вытолкнула на улицу бедно одетого мальчишку. Мальчишка как видно не очень этим расстроился, только вздохнул. Он стоял теперь на ступеньках у самого тротуара, обращаясь к прохожим:

— Пожалуйста, помогите нам.

Сергей нащупал в кармане мелочь и сунув ему в протянутую ладошку, направился в книжную лавку, находившуюся на противоположной стороне за рекламным щитом. Он уже подошёл к перекрёстку, собираясь перебежать на другую сторону, но что-то заставило его остаться на месте. Он медленно обернулся и посмотрел на мальчишку… Дальше Сергей повёл себя не совсем обычно: дважды проходил он мимо стоящего у кафе подростка, разглядывая его с интересом и одновременно в неком недоумении, как будто вспоминая о чём-то. Наконец он решительно подошёл к нему.

— Ну-ка, пошли, — сказал он.

— Куда? — спросил мальчишка.

— За подарками, — сказал Сергей.

— Не надо, лучше деньгами.

— Пойдём, пойдём…

Они зашли в тот же магазин и продавец обращался к ним так, словно принимал их за своих хороших знакомых. Сергей купил хлеба, крупы, чая, сахару, килограмм мандарин. Водил за собой мальчишку, да так и вышел на улицу, держа его за руку.

— Ну, иди, — сказал он, отдавая ему пакет с подарками, — это тебе.

— Спасибо, дяденька, — сказал мальчишка.

Повернулся и пошёл прочь. А Сергей всё стоял, почему-то не мог уйти, мешая входящим и выходящим из магазина… Всё следил за мальчишкой, как тот уходит от него в темноту, белея прижатым к груди пакетом.

— Постой! — крикнул Сергей.

Он догнал его широким шагом.

— Я провожу тебя.

Вместе они миновали опустевший безлюдный рынок и пошли к черневшим в небе домам. Они проходили мимо каких-то заборов, мимо школы, кружили по бетонным дорожкам… Вышли в замкнутый

многоэтажками двор, пересекли заунывно скрипящую качелями площадку, вошли в последний подъезд. По тусклой лестнице поднялись на второй этаж и попали в квартиру. В квартире казалось не было ничего, кроме пропахшей лекарствами тишины. На кровати в углу лежала женщина, освещённая у изголовья лампой со столика. «Здравствуйте» — произнёс он довольно громко. Но никто ему не ответил. Мальчишка с пакетом молча стоял у него за спиной… «Не может быть..» — сказали ему вдруг в ответ. «Не может быть!» — сказал он, всматриваясь в её лицо. «Как ты меня нашёл?» — спросила она. «Не знаю, — ответил он, — но как ты здесь оказалась!» «Это долго рассказывать»… Он сел на стул, потому что не мог стоять. Он расспрашивал её, задавал ей дурацкие вопросы… рассказывал что-то о себе, оправдывался, забывал слова… Она слушала, отвечала ему, поднимая глаза… «Но как же? Но как же так?! — говорил он ей. — А кто же он?» Его дыхание сбилось… «Кто это?» — показал он на мальчишку. «Это твой сын». «Сын, — повторил он, — ну, да, сын, конечно!» «Мам, нам подарки купили» — сказал наконец мальчишка. «Подарки? — удивилась она, — какие?..» Он не знал, что делать с собой, он кричал: «Подарки! Какие там подарки!?» Он бегал по комнате: «Сейчас вам будут подарки! я быстро…» «Ты куда?» — привстала она. «Я сейчас, ты лежи, я сейчас… Я мигом!» «Не уходи, не надо ничего!» Но он не слышал. Он вылетел на улицу… Было бело от снега — такое чудо после слякоти и дождя, но он не заметил, ему теперь всё было чудо. Он летел, не чуя земли…

— У меня сын! У меня есть жена и сын!… — повторял он как заведённый…

И едва не столкнулся с ангелом.

Ангел стоял на его пути, белее снега и ярче блещущей с неба луны. У Сергея упало сердце.

— Нет! нет! — закричал он. — Это не сон! Ради Бога, не сон! Я прошу тебя… Ведь он же похож на меня!

— Не бойся, это не сон, — ответил ангел. — Только вот поезд уже ушёл, а магазины закрылись.

— Эх, жаль! Хотел купить к Рождеству. Сын! Понимаешь?! Жена и сын!

— На, держи, — протянул руку ангел и улыбнулся.

И Сергей увидел большой и прочный, набухший от покупок пакет с пластмассовыми ручками, из которого посверкивала головкой бутылка шампанского.

Максим Яковлев

Братья Снежкины

Жил на свете мальчик. И звали его Женькой. Женькой Снежкиным. И была у него мечта слепить снеговика.

Однажды в конце января (Женька был в четвёртом классе) он его слепил. И получилось довольно хорошо.

На следующий день идёт Женька из школы и видит, что снеговика-то нет. Он повесил нос и поплёлся домой. А когда подходил к дому, услышал: «Привет, Женя!» Нехотя поднял голову и увидел своего снеговика! Обрадовался, набрал код и запустил его в подъезд.

— А ты не растаешь? — спросил он.

— Не-а, — ответил снеговик.

Женька дал ему имя и фамилию. Теперь он был не просто снеговик, а Николай Снежкин. Жили они день, жили неделю, жили месяц, жили много месяцев…

Но Женька перешёл в пятый класс и стал взрослым. И постепенно стал забывать о Николае Снежкине.

31 декабря Женька проснулся оттого, что на него что-то капало. Открыл глаза и видит — снеговик тихонько плачет. Женька прикрикнул на Николая: «Отойди от кровати и не мешай спать!»

— Ладно, Женя, я больше никогда не буду тебя тревожить, — ответил Николай.

И растаял.

Женька вскочил с кровати. Перелил в кастрюлю воду, которая натекла от снеговика, и побежал на мороз в одной пижаме. За минуту вода превратилась в лёд. Женька быстро слепил нового снеговика, но тот не оживал, слепил второго, третьего… Но все они не оживали.

И Женька понял, что Колю не вернуть.

Вдруг кто-то прикоснулся к его плечу. Позади стоял мальчик лет восьми:

— Я вижу, ты лепишь снеговиков, давай я тебе помогу?

Женька стоял в стороне и смотрел, как мальчик делает снеговика. И вспомнил, как он сам был маленьким. И как лепил Николая. А мальчик удивлялся, что Женька плачет и не лепит с ним.

И вот снеговик готов.

— Осталось его оживить, — сказал Женька.

Мальчик коснулся снеговика, и тот зашевелился. Женька улыбнулся, а мальчик это заметил и тоже улыбнулся.

— Только в детстве можно слепить снеговика, чтобы он ожил, — сказал Женька.

— Хочешь, он будет твой? А я себе ещё слеплю, — сказал мальчик.

Женька посмотрел на снеговика, а потом на мальчика…

Но его уже не было.

Данила Симонов

Самая чудесная елка

— Послушай, ты здесь шишку не видел?

Кирилл вздрогнул. На него с надеждой смотрел какой-то малыш в очках.

— Какую еще шишку?

— Ну, такая, на елку вешать. Такая старая.

— Нет, не видел, — соврал Кирилл. На самом-то деле он лучше всех знал судьбу этой шишки — небольшой и грубоватой елочной игрушки из голубого стекла. На прошлой перемене, когда первоклассники ушли из-за стола, она осталась лежать там одна-одинешенька. Кирилл, делавший в столовой с друзьями уроки, взял ее просто так, посмотреть. Потом посмотреть попросил Вася, который сидел на другом конце стола. Обратно Кириллу он не передал шишку, а подтолкнул ее, и она

покатилась по столу, только не туда, куда надо было, а к Коле, а тот тоже подтолкнул, и так шишку гоняли по гладкой поверхности стола, пока она не упала на пол и не разбилась вдребезги. Кирилл сам выбрасывал осколки. Но рассказать всё как есть первокласснику у него не было ни малейшего желания.

— Я ее тут забыл, а она куда-то делась, — объяснял тот чуть не плача. Ишь как расстроился!

— Не знаю, не видел. Нечего было забывать, сам теперь виноват. Наверняка кто-нибудь унес, даже не ищи! — и Кирилл стал запихивать учебники в портфель.

Но тут наконец из глаз малыша полились слезы, и Кирилл почувствовал, что не сможет просто так уйти.

— Чего ревешь, — сказал он помягче, — разве стоит из-за какой-то шишки! Попроси, тебе новую купят. А то старье какое-то!

— В том-то и дело! — воскликнул мальчик, — Это была игрушка для коллекции. Старая, теперь таких не найдешь. Я ее выменял на две хороших книжки… — у малыша скривились губы от плача. Кириллу было совсем стыдно.

— Из какого ты класса, коллекционер? — спросил он.

— Я из первого «Б», Миша Ардашин. А коллекция эта…

— Как, Ардашин? — переспросил Кирилл, — У тебя… Послушай, сестры у тебя случайно нет?

— В том-то и дело! — повторил Миша, — Это была шишка для моей

сестры, в подарок. Это она собирает игрушки.

— Ее Наташа зовут?

Миша кивнул, но Кирилл мог бы и не спрашивать: теперь он узнал Мишу, которого видел дома у Наташки еще совсем крошечным. Надо же, Наташка-Ардашка! Ведь, кроме нее, у Кирилла никогда не было в друзьях девочек. А как весело они проводили время в первом классе! От первого и до последнего дня первого класса. Почему-то она не пришла в школу после летних каникул. Сказали, что переехала…

— Послушай, вы же переехали? Три года назад. Я Кирилл, помнишь меня? Ну, бывший одноклассник Наташи.

— Мы тогда переехали недалеко, всего лишь на соседнюю улицу, — ответил Миша, внимательно глядя на Кирилла.

— А почему Наташа с нами не учится? В какой она теперь школе?

— Она… Она сейчас не совсем в школе, — сказал Миша. И вдруг добавил: — Слушай, приходи в гости. Наташа наверняка тебя помнит. Заодно посмотришь коллекцию. Пойдем! Хоть сейчас, хочешь?

Кириллу стало как-то неловко, вспомнилась шишка, снова пробудилось жгучее чувство вины перед Мишей и его сестрой. Но так пахло елкой в столовой, так таинственно сгущались сумерки за окном, всё было таким новогодним и чудесным, что ни за что нельзя было отказаться от внезапной, чудесной встречи с другом детства.

…Чего только не было в Наташиной коллекции: колокольчики из тончайшего стекла, прозрачные сосульки, человечки всех возрастов и профессий, от неуклюжих ватных колхозников до изящнейших снегурочек, ракеты и автомобили, зайчики и снегири, хрустальные

ангелочки и, конечно, шары, покрытые самыми удивительными узорами, переливающиеся самыми разными цветами в полумраке комнаты.

Наташа, конечно, сразу узнала старого приятеля. И странное дело: они болтали так запросто, словно виделись только вчера и не стали на несколько лет взрослее. Наташа расставляла свои сокровища на своей постели, Миша подавал ей с полки коробку за коробкой. Они наперебой рассказывали историю каждой игрушки, у Кирилла же слов от восхищения совсем не находилось.

— Вот нарядим елку, тогда приходи, посмотришь, — говорил Миша. Его глаза сияли.

— Миша! Еще не обедал! Ну-ка, за стол! — в дверь заглянула бабушка. — А ты, Кирюша, есть будешь?

— Нет, спасибо, — ответил Кирилл, — я скоро домой.

— Мы надолго с бабушкой, — сказала Наташа, когда дверь за братом закрылась, — мама с папой в экспедиции. До самой весны.

— Понятно… Послушай, объясни уже, в какой ты школе сейчас?

— Я? Ни в какой, — Наташа посмотрела на него с удивлением, — тебе Миша не рассказал? Я болею. С тех пор как заболела после первого класса, то в больнице, то в санатории, то вот — дома. Какая уж тут школа? Так, учусь помаленьку дома… — она опустила глаза.

Кирилл опустился на стул.

— А что… А чем…

— Знаешь, — Наташа вдруг улыбнулась как ни в чем не бывало, — сейчас я покажу тебе настоящее чудо. Самые прекрасные игрушки в моей коллекции — а может, и на всем белом свете. Ты никогда еще такого не видел. Вот!

Она открыла самую нарядную коробку, и Кирилл тихо ахнул. На бархатной подстилке лежали четыре шарика. На двух лежавших по краям был изображен детский праздник. Пухленькие мальчики и девочки в старинных костюмах под разряженной ёлкой в ярко освещенном зале кружились в хороводе, распаковывали подарки, обнимали мамочек и папочек. За окнами бушевала метель. От этих картинок так и веяло праздником и уютом. На третьем шарике тоже кружила вьюга. Гревшиеся у костра люди в древних одеждах в изумлении и трепете привстали со своих мест и внимали радостному ангелу, указывающему вдаль и такому белоснежному, что казалось — он светится. От него не могли оторвать глаз даже овцы и маленькие ягнята, толпившиеся кругом. На последнем, красном шарике была такая же вьюжная ночь. По каменистой пустыне двигался караван — верблюды были нагружены сундуками с сокровищами, наряды слуг были пестры и богаты. Впереди шли три царя, указывая на небо и о чем-то взволнованно совещаясь. Все были полны радостного ожидания, все спешили вперед. Все эти чудеса как будто сошли со старинных музейных полотен. Кирилл никогда не видел такого тонкого и волшебного рисунка. Он не сразу смог оторвать взгляд от шаров.

— Здесь не хватает одного, — сказала Наташа, указывая на пустое место в коробочке, — самого-самого лучшего!

— Как, еще красивее?! — удивился Кирилл. — Но ведь и эти — просто шедевры мировой живописи!

— Дело не в красоте, — ответила Наташа, — видишь, что здесь нарисовано? Тут — все отмечают Рождество. Шарики старинные, для художника это современные костюмы. А на остальных трех шариках — само Рождество. Вот здесь волхвы, а здесь пастухи идут поклониться Младенцу Христу. Видишь? А на пятом шарике было само Рождество — да он вот какой, смотри, я нашла в Интернете! — и Наташа показала ему

фотографию на большом листе. Краски были блеклые, но можно было все-таки разглядеть неимоверную красоту последнего шарика. Очевидно, он был из одного набора с остальными: такие же цвета и линии рисунка, но что-то неуловимое отличало его, какая-то серьезность, словно это была уже не совсем елочная игрушка, а что-то большее. Кирилл разглядел под сводами пещеры ясли, от которых исходил ослепительный белый свет, Марию и Иосифа, склонившихся над яслями, стоящий вокруг скот. Над пещерой сияла звезда. За ее пределами кружили такие же белые вихри, что и на остальных, и сплетались в удивительный узор.

— Вот это да… — прошептал Кирилл.

— Видишь? И без этого шарика все остальные не имеют смысла, потому что детям нечего праздновать, волхвам и пастухам некуда идти. Нет даже звезды, — Наташа печально смотрела на картинку, — без этого шарика наша елка никогда не станет самой прекрасной.

— До чего же необычные игрушки! Но, послушай, раз он тебе так нравится, этот шарик, ведь тебе рано или поздно кто-нибудь его подарит, правда?

Наташа покачала головой:

— Нет, Кирюшка. Это очень, очень редкий набор. Мне и эти-то достались чудом. А шариков с Рождеством — я узнавала — осталось, по-видимому, всего два на свете. Один в Америке — это он тут и сфотографирован, но с ним хозяева ни за что не расстанутся. А второй когда-то был в России, но его след давно потерян. Так что бесполезно и надеяться.

У Кирилла еще шли последние в четверти уроки — выставление оценок, поздравление с праздниками, ну и так далее, а у первоклассников уже начались утренники. Когда он остановил Мишу около его класса, тот был в костюме прекрасного принца, хотя очки по-прежнему не снял.

— Привет, есть серьезный разговор, — начал Кирилл, отводя его в сторону. — Твоя сестра — чем она больна? Почему ее не могут вылечить, не знаешь?

Миша посмотрел на него быстро и испуганно.

— Если какое-нибудь лекарство, а у вас нет денег, — продолжал Кирилл, — я могу попросить помочь родителей. Они согласятся.

— Дело не в лекарстве, — ответил Миша, — я не знаю толком, но тут не деньги нужны. Просто эту самую болезнь… забыл, как называется… ее вообще никто не лечит. Ну, то есть лечат, есть какой-то доктор, который взялся бы, но у него огромная очередь из больных со всего света, и вообще он за границей. Поэтому она так и болеет. Но знаешь, — лицо Миши озарилось. Он поманил Кирилла к себе и зашептал ему на ухо: — Это большой секрет, смотри не проболтайся! Наташу может вылечить — и обязательно вылечит — еще кое-что: чудо, только обязательно Рождественское чудо! Она говорит, ей это часто снится во сне. Только для этого у нас должна быть чудесная елка. Самая, самая прекрасная на свете — разве может чудо произойти в квартире с обыкновенной елкой! Поэтому-то она и собирает всякие диковинные игрушки. А ты думал, просто так?

Кирилл посмотрел с изумлением:

— И вы… Так прямо в это и верите?

— Ну конечно! Ведь иначе ей никак не выздороветь, а ей это просто необходимо, понимаешь? Ведь она должна снова, как в детстве, заниматься танцами и стать балериной, а для этого нужно очень хорошее здоровье.

Кирилл долго не мог заснуть в первый вечер своих каникул. Его мучило

множество мыслей: и то, что он ничем не может помочь Наташке, и то, что до сих пор не попросил у Миши прощения за разбитую шишку, и, главное — что он виноват в том, что шишка разбилась. «Не я ее уронил! — думал он. — Не я катал по столу! Я не хотел ничего с ней сделать! И вообще, откуда нам было знать, что эта игрушка так важна. Жизненно важна!». Но совесть неумолимо твердила: зачем, зачем взял чужое без спроса? Зачем обманул Мишу?

И вдруг его осенило: нужно разыскать недостающий шарик из набора. Пусть это будет отчаянно трудно, пусть! Зато, когда он принесет его Ардашиным, как они удивятся, как обрадуются! Уж тогда-то их елка обязательно станет Самой Прекрасной.

… Мама думала, что Кирилл целыми днями пропадает исключительно на горке. Что ж, это было почти правдой — он был на горке, однако по дороге и туда, и оттуда успевал обойти все магазины и отделы, где, по его мнению, можно было бы обнаружить тот самый шар. Но продавцы только недоброжелательно косились на него и пожимали плечами. В отделах елочных игрушек его посылали в антикварные магазины, в пышных и чопорных антикварных отсылали обратно в отделы елочных игрушек. Наконец перед самым Новым Годом, когда многие магазины уже не работали, одна старушка-антикварщица написала ему на бумажке адрес. «Если уж там не окажется, то всё», — сказала она.

Магазинчик находился довольно далеко от дома, и всё же можно было дойти пешком. Кирилл еще никогда не чувствовал себя таким самостоятельным. Вот он и на месте! Странное дело: бывать ему здесь приходилось, но раньше он никогда не замечал небольшой вывески у входа в подвал: «Антиквариат. Коллекционерам». Кирилл спустился, толкнул тяжелую дверь и очутился в крошечной комнате, заставленной, завешанной, заваленной самыми диковинными вещами. На витрине темнели монеты и кучкой толпились видавшие виды фарфоровые статуэтки. Где-то в глубине били старинные часы.

Из-за шкафов появился маленький бодрый старичок с пышными усами.

— Добрый день, юноша! Чем могу служить? Чем интересуетесь? Значки? Монеты? — спросил он.

— Нет… Елочные игрушки.

— Ого! Отлично. Минуточку. Выбирайте! — И старичок поставил перед ним коробку старых игрушек, среди которых Кирилл узнал и двойников некоторых из тех, что видел у Наташи. Но ничего похожего на нужный шарик там не было.

— Знаете, — сказал Кирилл, — я ищу один-единственный шарик.

И он рассказал продавцу всю историю, которая с ним приключилась, от начала и до конца.

Старичок кивал с понимающим видом и улыбался всё загадочней.

— Так, так… Пять шариков. Ну да. И звезда, говорите? Всё сходится, сходится совершенно точно.

— Вы знаете этот шарик? — воскликнул Кирилл.

— Этот шарик, точнее, весь этот набор, молодой человек, знает каждый уважающий себя коллекционер. У вашей барышни отличный вкус. Но, — он доверительно подмигнул Кириллу, — только мне известно, где он находится. Только мне удалось докопаться до самой сути. Хотите знать историю этой игрушки? С этим шаром, милейший мой, чего только не было. Когда князья Барицкие, его владельцы, бежали за границу, его подарили бедной и верной служанке. Как-то в голодный год она обменяла его у одного ценителя на булку хлеба. Ценитель позже передал шарик еще кому-то. Долгая история. Мне пришлось восстанавливать её шаг за шагом. Он видел и войну, этот шарик, и долгие переезды, и вот, представьте себе, оказался в нашем городе. В том же городе, где живет девочка, которой он так нужен. Да-а-а…

Наступила пауза.

— Он у вас? — спросил наконец Кирилл.

— Нет, что вы. У одной дамы… она с ним расстаться не желает — такая ценность все-таки. Но, — и старичок снова загадочно улыбнулся, — она чудная женщина, вот увидите. Едем сейчас же к ней!

— …Нет-нет, милый, забирай без всяких денег, я понимаю, что у тебя их нет. Даже знать теперь не желаю, сколько стоит эта редкость. Этой девочке игрушка нужнее, — говорила Надежда Степановна. — Ну, счастливо, да с наступающим вас! А ну-ка, завяжи шарф получше!

Выходя из подъезда, старичок-антиквар похлопал Кирилла по плечу.

— До свидания, славный юноша. Ну как, довольны?

У Кирилла не находилось слов благодарности. Он словно онемел от стремительности всего произошедшего. Тот самый, тот удивительный, неповторимый, сказочный шарик переливался в его руке. Сияла звезда. Миром и Чудом веяло от тихих фигур в пещере.

— Все, кто владел этим шариком, были хорошими людьми, уж поверь мне, — сказал старичок, прежде чем скрыться в снегопаде.

«А я? — размышлял Кирилл, — разве я хороший человек? Разве я, вор и обманщик, заслужил такое быстрое и счастливое окончание этой истории? Разве я достоин держать в руках такую красоту… Само Рождество!».

Дальше все случилось очень быстро: впереди шли мужчина и женщина, и Кирилл увидел, как она, доставая что-то из сумочки, уронила на дорогу кошелек. Женщина не заметила ничего, зато заметил другой прохожий — мальчик чуть постарше Кирилла. Он поднял кошелек и

быстро оглянулся. Что-то помешало Кириллу пройти мимо. Он остановился и тихо сказал:

— Это ее. Отдай ей.

— Это мое, понял? — прошептал он, показывая кулак. — Что упало, то пропало.

И тут Кирилл, сам себя не узнавая, повернулся и закричал вслед женщине:

— Эй! У него ваш кошелек!…

Резкий толчок в грудь. Кирилл упал.

Кажется, мимо него пробежал спутник той женщины, кажется, воришку схватили…

У Кирилла в ушах всё еще стоял тихий звон, который, оказывается, издает упавшее на лед тонкое стекло. Он сидел на льду и смотрел, смотрел на осколки, стараясь не верить, что это случилось — как будто, если не верить, всё станет как было.

— Мальчик, спасибо тебе! А что случилось? Ты плачешь? Тебе больно?

Над ним стояла та самая пара, потерявшая кошелек.

— Ты что, из-за шарика? — догадался мужчина. — Да ну, такая ерунда. Нам тебя теперь нужно отблагодарить. Хочешь, купим такой же?

— Такого уже не будет, — глухо сказал Кирилл и начал собирать все-все

осколки. Пещера осталась совсем целой на самом большом из них.

Женщина присела рядом на корточки:

— Послушай, ты нам очень здорово помог, но сейчас мы торопимся. Скажи, пожалуйста, как нам тебя найти, герой? Мы привезем тебе новогодний подарок и поблагодарим твоих родителей за сыночка…

— Не надо, — сказал Кирилл, — Хотя нет. Это был шарик… Одной девочки. Лучше ей привезите подарок. Пожалуйста.

И он назвал Наташин адрес.

Прошла неделя. В день Рожества Кирилл с родителями возвращался от тети Тани. Стоял мороз. Он думал о Рождестве, но мысли приходили невеселые. Он так и не побывал у Наташи и Миши, не поздравил их с Новым годом. Теперь он просто не знал, как к ним показаться. Но вот, между прочим, и их дом. Кирилл представил, как они тихонько сидят у великолепной елки: Наташа, Миша, бабушка…

— Мам, пап! Давайте зайдем к Наташе Ардашиной?

— Почему бы и нет? — ответил папа.

— Приве-е-ет! — Миша, всегда такой тихий, бросается к нему со всех ног. — А у нас родители взяли и приехали! Мама! Это он, Кирилл!

Мама и папа Ардашины бросаются обниматься с ним, говорят его родителям что-то радостное, за что-то благодарят. Бабушка гладит ничего не понимающего Кирилла по голове…

— Подождите! Он еще ничего не знает, — это вышла из своей комнаты Наташа. Её глаза сияют. — Вы все идите, пожалуйста, на кухню. Кирилл… — торжественно говорит она, когда выходят все, кроме Миши, — оно произошло, понимаешь? Рождественское чудо. И за него я благодарю тебя. Да-да, подожди, сейчас объясню. Помнишь, ты дал наш адрес одному человеку? Он занес для тебя целый мешок конфет и всякой всячины. И разговорился с бабушкой. И знаешь, кем он оказался? Врачом из Германии, близким другом Августа Шлосса! Понимаешь? Того самого Августа Шлосса, который один на всем свете может меня вылечить. Он скоро будет в России, и я уже записана на прием… Была консультация по телефону…. В общем, я буду танцевать, и ходить в школу, но если бы не ты!!!…

— Я тут ни при чем, — говорит Кирилл, — я… очень рад, но вы вот не знаете, а я и неприятностей принес вам предостаточно. Например, я взял без спроса ту игрушку, шишку, помнишь, Миша, ты ее искал? И она разбилась…

— Да знаю я, — ответил Миша.

— Знаешь? Как знаешь?

— Мне одноклассник на другой же день всё рассказал. Он всё видел.

— Так ты всё знал… И ты меня сразу простил?

— Ну конечно! Пустяки!

Кирилл потрясенно замолчал. Наташа сказала:

— И я тоже знаю про другую игрушку, которая разбилась. Тот врач нам всё рассказал. Я поняла: ты нашел его, недостающий шарик. Как же тебе удалось?

— Но ведь его больше нет… Ты сильно расстроилась?

— Знаешь… Жалко, когда разбиваются игрушки, но ведь мне он теперь и не нужен. Чудо-то уже случилось. А Младенцу Христу — и мама тоже так говорит — место не на елке а на иконе. Елка у нас и так хороша.

— Всё равно жалко, что ты не увидишь такой красоты, — вздохнул Кирилл.

Наташа улыбнулась.

— Может, и увижу. Есть же где-то еще такой шарик. Если уж нашелся единственный на свете доктор, то уж и единственный шарик может мне когда-нибудь встретиться! А пока я рада, что им любуется кто-то другой. А тебе я сейчас покажу еще более удивительную рождественскую красоту. Смотри!

Она отдернула шторы, Миша выключил свет, и Кирилл увидел за окном вечерний, застывший в морозном воздухе город, белоснежное кружево заснеженных деревьев (или это крылья ангелов, застывших в безмолвной молитве?), тихий свет великого множество окошек, в каждом из которых под своей, по-своему прекрасной, елкой встречала праздник какая-нибудь семья. Все они, не зная, может быть, ни друг о друге, ни о глядящих на них детях, мечтали о своем Чуде. А вверху, на чистом морозном небе, в россыпи звезд сияла самая яркая, Рождественская, звезда.

Антонина Воронцова

Рисунки Наталии Кондратовой

Плюшка

Больные дети Максимовне нравились больше, чем выздоравливающие. Честно говоря, она не любила ни тех, ни других, просто больные доставляли ей меньше хлопот. Они не бегали по отделению, не кричали, не разбрасывали где попало игрушки и не выцарапывали на крашеных стенках свои имена и прочие глупости. Лежали тихо под капельницами или просто спали. Рядом, как правило, всегда был кто-то из родственников — мамаши, бабушки, тетушки, так что было кому присмотреть и поухаживать. Все облегчение для пожилой санитарки, у которой и так дел невпроворот. На самом деле, Максимовна с удовольствием сидела бы на пенсии и попивала чай с пирожками, только пенсия была совсем маленькая, и на пирожки ее не хватало. Вот и приходилось в шестьдесят с лишним лет махать шваброй, убирая за этой мелюзгой.

Максимовна знала, что все считают ее неприветливой и побаиваются, но ей это нравилось — меньше будут приставать с просьбами. Она даже гордилась тем, что к ней стараются лишний раз не подходить, а если уж

заговаривают, то обязательно робко, нерешительно, как с начальницей.

Правда, если кто-то из детей умирал — а это время от времени случалось, — в душе старой санитарки вдруг что-то начинало тяжело и болезненно ворочаться. Душа вспоминала, что у Максимовны тоже когда-то был сын Сережа, которого в восемь лет насмерть сбил грузовик. После этого детей у нее больше не родилось, а по Сереже она так долго и горько плакала, недоумевая, почему умер именно он, а не какой-нибудь чужой мальчишка-сорванец, что выплакала все слезы на всю оставшуюся жизнь.

Выписавшиеся дети извлекали из тумбочек свои пожитки, подбирали разбросанные игрушки, выходили за дверь отделения и пропадали из жизни Максимовны. Через некоторое время пустая кровать заселялась еще кем-нибудь, кто потом тоже выздоравливал и уходил… Словом, все шло своим чередом.

Когда выписывали пятилетнюю Катю, Максимовна как раз драила палату, где эта девочка пролежала почти три недели. Санитарки обычно много чего слышат и знают, например, от медсестер, которые переговариваются на посту, или от родственников больных. Про Катю Максимовна знала, что ее выписывают не потому, что она уже здорова, а потому что дальше ее требовалось лечить в специализированной клинике и, может быть, даже оперировать, и еще непонятно, поможет это или нет.

Самой Кати в палате уже не было, но когда санитарка перестилала освободившуюся постель для новых пациентов, в дверь неожиданно заглянула Катина мама, очень похожая на Катю — тоже светловолосая, темноглазая, с аккуратным веснушчатым носиком, — и несмело спросила:

— Простите… Вы здесь не находили собачку? Плюшевую, коричневую, совсем маленькую. С такими длинными висячими ушками…

А у Максимовны выдался очень хлопотный день. С вечера она легла поздно, потому что гладила рождественские облачения для церкви, в которую уже много лет ходила. Утром отнесла чистое и выглаженное в

храм. Батюшка, отец Виталий, подивился ее расторопности, поблагодарил и благословил, так что на работу Максимовна пришла в хорошем настроении. Но потом начались какие-то мелкие расстройства, заботы, сказалось и то, что она не выспалась… Словом, к обеду от утренней радости уже ничего не осталось, зато накопились усталость и раздражение.

— Не знаю никаких собак! — угрюмо буркнула Максимовна, недовольная тем, что ее потревожили таким глупым вопросом.

И только когда женщина, огорченно вздохнув, ушла, Максимовна припомнила, что действительно была у Кати такая любимая игрушка. Крошечный, как раз умещавшийся на маленькой ладошке щенок с веселыми черными глазками. Катя звала собачку Плюшкой, укладывала рядом с собой на подушку, а когда приходило время делать уколы или капельницы, сжимала песика в кулачке, чтобы он придал ей смелости.

Осмотревшись и подумав, Максимовна приподняла тумбочку. Так и есть! Катина любимица завалилась в самый уголок возле стены, за широкой деревянной ножкой, поэтому ее и не смогли найти.

Санитарка выглянула в коридор, но ни Кати, ни ее мамы не увидела. Должно быть, они уже спускались по лестнице к выходу из клиники. И, как на грех, никого поблизости: все ушли в столовую обедать. Можно было, если поторопиться, догнать Катю или хотя бы окликнуть…

— Ну, вот еще! — проворчала себе под нос Максимовна. — Гоняйся за ними по лестнице! Я-то, поди, уже не девочка, седьмой десяток идет. Сестрам потом скажу, чтобы им домой позвонили. Если надо, пускай еще приходят, тогда и отдам.

Она сунула игрушку в карман халата и пошла мыть пол возле поста. Там сейчас приходилось убирать больше — еще перед Новым годом медсестры поставили у окна наряженную елку, и дети вечно толклись вокруг нее, трогали игрушки, отчего на пол осыпалась хвоя и падали блестящие нити «дождика». Максимовна не могла дождаться, пока эту елку унесут, чтобы опять стало удобно мыть пол и вытирать пыль с подоконника.

Уже подойдя к своему дому, санитарка вспомнила, что, закрутившись с делами, не отдала медсестре Людмиле Катину собачку и даже не попросила позвонить девочке домой, что игрушка нашлась. Плюшка так и осталась лежать в кармане халата, который Максимовна сегодня забрала домой постирать.

— Ладно, что ж теперь! — подумала Максимовна. — После выходных скажу. И вообще, что я волнуюсь-то? У ребенка, поди, сто таких собак дома. Если очень надо, пускай новую купят, не обеднеют. А у меня и без этого голова от забот пухнет!

Размышляя так, она уже поднималась на второй этаж и шарила в сумке, ища ключ от квартиры. Лампочка на ее этаже светила слабо. Максимовна протянула руку с ключом и шагнула к двери…

Нога наткнулась на что-то мягкое и живое, вдруг издавшее жалобный, испуганный визг. Кто-то только что лежал или сидел на коврике перед дверью в квартиру. Максимовна осторожно нагнулась посмотреть, кто же это метнулся из-под ее ног и прижался в угол. Оказалось, что это совсем небольшой щенок. Он дрожал всем телом, но при этом глядел на санитарку без обиды, даже наоборот, с доверчивой надеждой.

— Нагадил, поди, на коврик-то? — неприязненно спросила Максимовна. К кошкам она относилась равнодушно, а вот собак недолюбливала,

считая нечистоплотными. — Чего дрожишь? Я же тебя не бью.

Услышав, что строгий голос немного смягчился, щенок неистово завертел коротким хвостиком, и стоило Максимовне приоткрыть дверь, как он тут же шмыгнул в получившуюся щель!

— Куда?! — ахнула санитарка. — Еще тебя мне не хватало! Кыш! Брысь! Пошел, пошел отсюда!

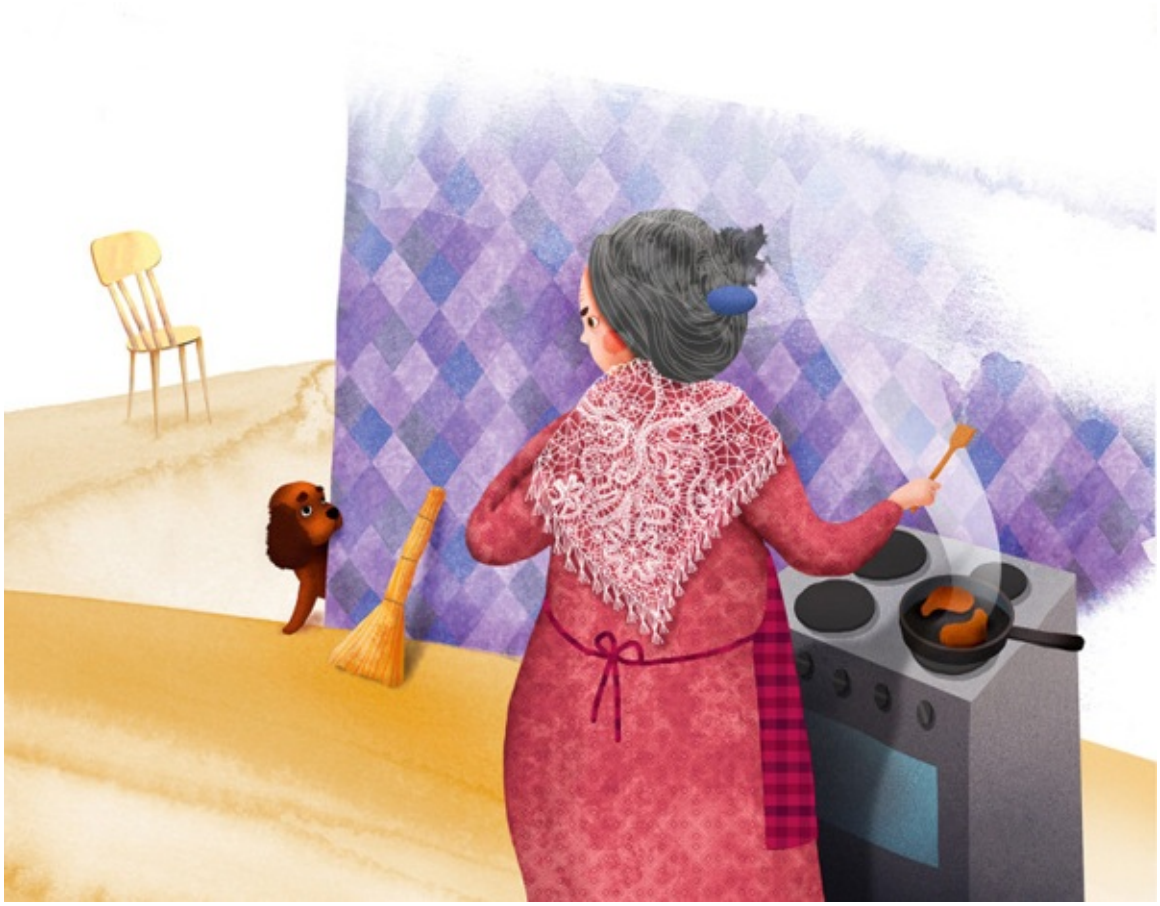
Щенок и не думал уходить, наоборот, уже вовсю бегал по комнатам, обнюхивая углы и ножки мебели, — знакомился. Включив свет, Максимовна наконец хорошо его разглядела. Он оказался светло-шоколадным, короткошерстым, с висящими мохнатыми ушками и задорными карими глазами. Видно, не совсем породистый, но и не безнадежная дворняга. Даже чем-то симпатичный.

— Вот я тебя! — уже менее уверенно сказала санитарка, но все-таки взялась за веник.

Щенок понял, что на него сердятся, поджал хвост и ловко залез под диван. Максимовна попыталась его оттуда выгнать — не тут-то было. Непрошеный гость уворачивался и скулил, как будто недоумевая, за что же его веником-то… Устав стоять на коленях перед диваном, санитарка рассердилась.

— Погоди у меня, злодей! Все равно выгоню. Пусть кто-нибудь другой тебя к себе берет, а мне такого добра не надо. Столько еще дел, а я трачу время на такую пигалицу!

Это был вечер Сочельника, и Максимовна собиралась приготовить назавтра праздничный салат и куриный окорочок с грибным соусом, а потом еще успеть на всенощную. Вздыхая и ворча себе под нос, она взялась за стряпню.



Почуяв из кухни мясные запахи, голодный «злодей» выполз из своего укрытия и осторожно процокал коготками по старенькому коридорному линолеуму.

— Ну? — грозно спросила Максимовна, увидев торчащую из-за дверного косяка робкую шоколадную мордочку. — Зачем пришел? Звали тебя, что ли?

Мордочка спряталась. Потихоньку выглянув, старушка увидела, что щенок понуро сидит у стены, широко расставив передние лапки и словно раздумывая, зачем судьба поманила его надеждой на добрую хозяйку, а сама подсунула эту вредную бабку, и можно ли, в таком случае, вообще ожидать от жизни чего-то хорошего. На мордочке у него отражалось бесконечное уныние. Максимовна испытала даже что-то вроде сочувствия: ей сегодня до первой звезды тоже есть не полагалось, а угощение пахло до невозможности вкусно.

— Нечего баловать! — строго сказала она и щенку, и себе, после чего опять ушла на кухню, где на сковородке шкворчал, исходя жирком и праздничными ароматами, окорочок, а в эмалированном сотейнике бодро побулькивал наваристый грибной бульон. Время от времени она искоса поглядывала на проем двери, но щенячий нос больше не показывался.

Зато из гостиной вскоре раздался громкий зловещий стук. И не один.

Максимовна, только успевшая снять сковородку с огня, вздрогнула и побежала туда.

Зрелище было, как говорится, не для слабонервных. Сам по себе упавший торшер серьезно пострадать не мог, но в полете он зацепил кружевную салфетку, уголком свисавшую с буфета. Салфетке тоже ничего сделаться не могло, но на ней Максимовна для красоты расставила маленьких фарфоровых оленят, купленных давным-давно, свой фотопортрет минувших молодых годов в пластмассовой позолоченной рамке и букетик сухих бессмертников в крошечной фаянсовой вазочке. Оленята при падении растеряли кто хвостик, кто ножки, кто ушки. Вазочка разбилась вдребезги, а рамка от портрета треснула в двух местах и теперь годилась только на помойку.

— Ах ты!… — вскрикнула Максимовна, давясь возмущением. — Ты где?!

Ей, конечно, никто не ответил. Осматриваясь, она очень скоро наткнулась на влажный взгляд карих собачьих глаз, блестевший из дальнего угла под буфетом. Наученная опытом, она не пошла за веником, а быстро вернулась на кухню, скрепя сердце, отрезала от окорочка кусочек поджаристой шкурки и с ним вернулась в комнату.

— Иди сюда! — с фальшивой ласковостью позвала она. — На, на! Иди сюда, кому говорю!

Щенок оказался неглупым и вышел не сразу. Максимовна уже хотела плюнуть на гуманность и начать тыкать в него шваброй, но тут ее военная хитрость наконец сработала. Собачка выбралась из-под серванта и побрела к санитарке, виновато опустив голову и виляя всем худым шоколадным телом. Ее глаза неотрывно следили за лакомством в человеческой руке.

— На, на! — пела Максимовна, потихоньку отступая в прихожую. Щенок доверчиво шел за ней, как дитя за волшебной дудочкой. — Хороший, хороший… Иди сюда, иди!

Открыв дверь на лестницу, она бросила куриную шкурку подальше на кафельный пол.

— Бери, ешь!

Щенок укоризненно посмотрел на нее. «За дурака меня держишь?» — читалось в его грустных и понятливых глазах. Через порог он идти не собирался. Максимовна, увидев это, потеряла остатки терпения. Стремительно нагнувшись, она протянула руку, готовясь схватить смышленного пса за шкирку и попросту выкинуть за дверь. Щенок оказался проворнее, он отпрыгнул в сторону, развернулся, слегка пробуксовав лапами по линолеуму, и опрометью кинулся в гостиную — прятаться под мебель. Но его ожидал ужасный сюрприз: коварная старуха, выманивая его в прихожую, успела плотно закрыть двери в комнаты и кухню! Бедняга заметался, запутался, прошмыгнул между войлочными тапками грозно приближавшейся санитарки и вылетел в единственный открытый дверной проем… На лестницу.

Максимовна тут же захлопнула дверь и облегченно вздохнула. В глазок щенка видно не было, но стоило ей прильнуть к прохладному стеклянному кружку, как с той стороны под дверью залаяли, заскулили и зацарапали лапами. Максимовна мрачно покачала головой, представив, во что могут превратиться ее придверный коврик и дермантиновая обивка. Потом она пошла на кухню, где соус успел перекипеть и загустеть, так что в нем могла стоять ложка. Поправив дело, насколько было возможно, Максимовна прибрала в гостиной. Двух фарфоровых оленят и рамку пришлось выбросить в мусорное ведро, в торшере заменить лампочку. Подметая кусочки стекла, оставшиеся от вазы, старушка почувствовала, что ноги ее уже почти не держат. А ведь еще предстояла всенощная…

Санитарка поставила будильник на восемь часов и прилегла в спальне на застеленный зеленым одеялом диван, собираясь часок подремать. Из-за двери, ведущей на лестницу, доносились слабые жалобные звуки: это щенок горько оплакивал свое изгнание. Максимовну уколола совесть. В конце концов, рядом было маленькое беззащитное существо, невесть как

заброшенное в чужой подъезд, голодное и одинокое. За дверью, в большом и неласковом мире, с ним могло случиться все что угодно: его мог походя пнуть пьяный сосед из квартиры напротив, замучить вредный подросток Стасик, живущий этажом выше, затискать малолетняя девчонка Томка, приехавшая на праздники к бабушке… Или, скажем…

Не додумав до конца, усталая Максимовна погрузилась в сон, очень походивший на явь.

Ей снилось, что у нее в комнате вдруг все стало золотое, как будто со всех сторон сразу лился свет, какой бывает утром при восходе солнца. Он был такой яркий, что виделся одинаково и открытыми глазами, и сквозь опущенные веки. И еще было очень тепло и покойно, только почему-то щемило в груди. А самое странное и удивительное было то, что посреди комнаты стоял невысокий, очень красивый мальчик и внимательно смотрел на Максимовну.

Максимовна сразу же села. Сердце у нее быстро-быстро заколотилось, потому что на всем свете мог быть только один такой замечательный мальчик, как этот…

— Сереженька, — изумленно сказала Максимовна, — сынок, как ты сюда попал? Да какой ты стал славный, румяный! Я тебя и не узнала…

— А ты, мамочка, меня часто не узнаешь, — грустно улыбнувшись, ответил Сережа. — Сколько раз я в твоем отделении бывал, и ты меня то ругала, то гнала, а один раз даже тряпкой грязной на меня махнула!

— Как это? — не поверила Максимовна. — Не может быть! Когда же?

Сережа ничего не сказал, но только сейчас старушка увидела, что свет в комнате исходит от него и лучи дрожат и переливаются, как чудесная золотая вода, и даже тихонько поют что-то сладкое, печальное… Вдруг ей припомнилось больничное отделение, длинный крашеный коридор, маленькие мальчишки, стайкой бегущие от злющей бабки, которая машет на них шваброй… И ведь бабка-то — знакомей некуда, каждый день хмуро смотрит на Максимовну из зеркала!

Золотые струны лучей жалобно зазвенели.

— А еще, мама, помню, я лежал совсем один с высокой температурой, и мне хотелось, чтобы кто-то из взрослых подошел и сказал мне что-нибудь в утешение: мол, не горюй, ты обязательно поправишься, не плачь, скоро будет легче. А ты прибиралась рядом и в мою сторону ни разу не посмотрела…

— Что ты говоришь, сыночек? — а перед глазами уже встала другая картинка. Случалось такое, сколько раз случалось, только дети все-таки были незнакомые.

И чем горячее Максимовна спорила с сыном, тем грустнее у него делался взгляд. И свет вокруг ярче разгорался, так что уже глаза еле-еле выносили. А как тоскливо щемило сердце, даже сказать нельзя.

— Или вот, заглянул я как-то в храм, куда ты ходишь. Подошел к аналою, любовался, слушал, как поют псалмы… А ты стояла позади меня и ворчала, что все у меня не так и зачем такие, как я, вообще сюда ходят…

Тут старушка наконец не стерпела:

— Да что ты, Сереженька, разве я когда-нибудь тебе такое говорила? И ведь ты умер давно! Это все чужие дети!

Тут Сережа посмотрел на мать так печально, что у той в глазах помутнело и защипало от выступившей соленой влаги.

— А ты представь, мама, вот умрешь и ты, придешь к Господу, и Он тебе скажет: «Не хочу тебя знать, чадо, ты Мне чужая!» Каково тебе тогда будет?

Максимовна услышала и залилась слезами. И вдруг свет перестал жечь, а Сережа повеселел.

— Я, когда на земле жил, не любил, если ты плакала. А теперь понимаю, что покаянные слезы — огненные, но за них Господь нас больше всего утешает. Пойдем, мама, скоро случится великое чудо.

И сейчас, когда сияние уже не резало глаза, Максимовна разгядела за спиной сына два ясных блистающих крыла. Как удалось ее

собственному телу оторваться от земли, она так и не поняла. Внизу темнел и мерцал огоньками город, а навстречу летел чистый и сладкий, как родниковая вода, ночной воздух.

— Гляди-ка, Сережа, в скольких окошках свет, сколько людей не спит…

— Это не окна, мама, это рождественские свечи в храмах. Смотри теперь не вниз, а вверх, нам туда нужно.

Но Максимовна не утерпела и бросила еще один короткий взгляд на землю. Ей привиделось, что между радостными свечными огоньками бродят какие-то смутные недобрые тени, то свиваются в клубки, то снова распадаются… Казалось, им хочется задуть как можно больше огней.

— Не беспокойся, мама, — Сережа заметил ее испуг, — ничего они не сделают. Христос победил ад, все бесы трепещут перед Его Рождеством. То ли еще будет на Пасху!

А вверху сверкала звезда, ярче которой старой женщине видеть никогда не приходилось. Этот свет делался все ближе, и чудилось, как будто в темном небе открывается дверь в ярко освещенную комнату… Но это оказалась не комната, а храм, такой огромный и царственный, что захватывало дух. Он весь был полон звуков, весь горел золотом и яркими красками, словно живая радуга. Струился свет, струились певучие голоса, и такая невыразимая сладость теснилась в сердце, что слезы сами лились из глаз, и нельзя было сказать, от радости они или от мучительной бессловесности. Невидимый хор пел «Алиллуйя».

— Сыночек, это рай?

— Нет, мамочка, только преддверие. Мне позволили тебя сюда ненадолго привести, чтобы ты порадовалась. Я за тебя долго-долго молился!

— А можно поближе к царским вратам подойти? Так хочется посмотреть!

— А ты сделай несколько шагов, и сама все поймешь. Мы с тобой сейчас у самых дальних дверей стоим.

Только один шаг и смогла сделать Максимовна, дальше ноги не понесли.

Такая была кругом красота — и добрая, и грозная, и ласковая, и пламенная, — что старушка не посмела больше двинуться. Стояла, смотрела, слушала, а то, что ни глазам, ни ушам не под силу, вбирала сердцем. Окружающее торжество нарастало, близился великий час. Где-то на земле, в бедном вертепе, облекался в человеческую плоть Господь Бог, чтобы люди могли не только стоять в слезах перед дверями рая, чтобы они могли обрести дорогу и дальше…

А когда настала минута самого большого ликования, Максимовне подумалось: «Господи! Вот так бы и умереть, в такой благодати!»

Но она не умерла, а вернулась опять домой, в свою спальню. Сережа еще был с ней, теплый и лучистый, как маленькое солнышко.

— Сыночек, ты сейчас уйдешь! Я теперь все буду делать, чтобы мы с тобой опять встретились. Помолись за меня перед Господом, пусть Он мне поможет. Ох, если бы я могла тебя обнять, как раньше!

— Я, мамочка, за тебя всегда молюсь. Если бы ты знала, как ангелам жалко людей, как мы о вас часто плачем!

Максимовна почувствовала на своем лице ласковое, гладящее тепло, как прикосновение нежного крыла… Голос сына сказал тихонько прямо у нее над ухом:

— А собачку ты не выгоняй, это я ее для тебя попросил!

— Да зачем же она мне, Сереженька?

— Для веселья, мама. Я ведь вижу, какая ты всегда грустная. Помнишь, когда мы еще с тобой вместе жили, я все хотел маленького щенка?

— Помню. Уж как я потом себя корила, что отказывала тебе, как жалела!

— Больше об этом не жалей. Ты теперь и других детей полюбишь ради Господа и меня, а собачка будет тебя дома ждать, встречать, радоваться… Господь по-разному наши сердца смягчает. А на суде Он и зверям дает речь, чтобы они о нас свидетельствовали, ты это знай. Спаси тебя Христос, мама! Мне пора.

Тут Сережа исчез, а Максимовна проснулась в слезах.

Она с испугом обнаружила, что за окном светает. Ее сон оказался таким крепким, что она совсем не слышала, как прозвенел будильник, а сейчас был уже седьмой час утра.

— Всенощную проспала! — ахнула Максимовна, но тут же прислушалась к себе и вспомнила, какая великая радость ей подарена во сне. Да ведь была, была она на Всенощной вместе с Сережей!

Она встала на колени перед иконами, долго молилась и благодарила Бога. Потом вытерла слезы и… вспомнила о последних Сережиных словах.

За дверью на лестницу было тихо. Дом еще спал, ничьи шаги не тревожили каменных ступенек. Максимовна в тревоге приоткрыла дверь и выглянула. Щенок лежал на коврике, свернувшись зябким калачиком, и, услышав шум, поднял голову. В его больших блестящих глазах недоверчивость боролась с надеждой. Последняя, несмотря ни на что, побеждала.

— Ну, заходи, что ли! — неловко позвала санитарка и посторонилась, чтобы щенок мог прошмыгнуть мимо нее.

Но он не трогался с места.

— Что, обидела я тебя вчера? Ну, прости меня, не сердись. Пойдем!

Собачка, подумав, поднялась и нерешительно заглянула в прихожую.

Воспоминание о вчерашнем вечере мешало ей безбоязненно переступить порог.

— Вот беда! Ну, и как же нам — до обеда в дверях стоять? Иди, мой хороший, иди сюда! Иди, я тебе за ушком почешу!

Наверное, в собаках больше веры в человеческую доброту, чем в нас самих. Щенок сделал несколько осторожных шажков, вопросительно посмотрел на Максимовну и, увидев, что она не злится и не собирается хвататься за веник, потихоньку вошел в квартиру.

— Ну, слава Богу! Дай я тебя поглажу… Молодец, умница!

Обрадованный лаской гость мигом повалился на пол, подставляя Максимовне светло-коричневое брюшко.

— Ой, да ты девочка, оказывается! Ну, давай почешу пузо, давай… Какая же ты хорошенькая, прямо плюшевая… Плюшка и есть! Идем, позавтракаем тем, что Бог послал. Плюшка, Плюшка!

Плюшка на этот раз не заставила себя упрашивать.

Пристально рассмотрев витрину киоска, Максимовна выбрала самый большой и яркий апельсин. Продавщица поупиралась, но в конце концов согласилась вынуть его из-за стекла для настырной покупательницы. После этого старушка забралась в автобус и поехала на другой конец города, крепко держась за свою потертую кожаную сумку.

День был замечательно солнечный и одновременно морозный. Автобусное окно заиндевело, поэтому сквозь ледяные цветы не было видно улиц, по которым извивался и петлял маршрут. Билетерша поначалу ленилась объявлять остановки, но ее пристыдили, и она начала неохотно выкрикивать:

— Дом культуры!.. Есть на выход? Следующая — Школа-интернат…

Максимовна вышла на Северо-западном разъезде. Район был новый, для нее незнакомый, раньше она никогда в эти края не попадала. Вокруг стояли высотные дома, между которыми в снегу зябли разноцветные детские площадки. Санитарка огляделась в надежде увидеть Катю катающейся с горки или бегающей вокруг лазалок. Но было холодно, горки и лазалки пустовали.

Адрес Максимовна запомнила наизусть, у нее вообще была очень хорошая память, несмотря на возраст. И дом, и подъезд нашлись быстро, теперь оставалось подняться в лифте на шестой этаж. Почему-то очень быстро билось сердце, и вообще Максимовна волновалась. За долгие годы сердитого недовольства она совсем разучилась ласково обращаться с людьми.

Оказавшись перед чужой дверью, обитой коричневыми рейками, старушка достала из сумки Катиного игрушечного щенка и апельсин, но все никак не решалась позвонить. Ее даже охватила паника — было совершенно непонятно, что говорить и как себя держать. А если ее вдруг начнут благодарить, тогда что делать? Вот беда-то…

— Да что это я? — рассердилась Максимовна на саму себя. — Как будто в лес к медведям иду!

И вдруг вспомнила, как, бывало, гордилась тем, что к ней самой боялись подходить с просьбами…

— Что же я скажу? Ох, Господи, помоги, надоумь Ты меня! Каково им-то раньше было со мной разговаривать? Поди, тоже поджилки тряслись… Ладно, не топтаться же вечно у порога, раз пришла. Ну, с Богом!

Она вздохнула, тщательно перекрестилась и нажала на пухлую белую кнопку звонка.

Лариса Подистова

Рисунки Юлии Каменщиковой

Калямка

— Ну-ка, все быстро за стол, — сказала мама.

И дети, толкаясь, как утята, весело вбежали в столовую. Их было шестеро, они только что все вместе пришли с гулянья, светясь пунцовыми с мороза щечками. С кухни сладко пахло рождественским пирогом и яблочными пастилками. Жарко топилась печка. Но пирог будет завтра, а пока перед каждым из них поставили картофельную запеканку и разлили по кружкам кисель. Все сидели за одним длинным столом, покрытым бабушкиной скатертью с вышитыми по краю серебряными рыбками. Самыми шумными и говорливыми были тройняшки — Сашок, Тимоня и Лерочка, — с большими мамиными глазами и какие же лобастики, как их папа. Сидели в одинаковых платьицах смешливые сестры-близняшки Тося и Фрося, — дети маминой подруги из Рязани. Самым младшим из них был лопоухий приемыш детдомовец, любивший разговаривать сам с собой. Все звали его Калямка. Из детского дома его привезли совсем маленьким, едва умевшим ходить. Потом он долго болел ветрянкою и краснухой; было в

его судьбе еще несколько тревожных моментов: падал с лестницы, два раза тонул, изображая из себя великого пловца и ныряльщика, отмораживал уши, а один раз упал в костер, попятившись от летучей мыши. Теперь вот сидит, уминая за обе щеки запеканку, но больше прислушиваясь к тому, о чем секретничали девчонки.

— Кому еще грибной подливы? — спрашивала всех няня Зоя.

— Какие у нас там грибы-то в Рязани? — сказал папа, поглядывая на Тосю и Фросю.

— А у нас в Рязани грибы с глазами, — тут же ответила Фрося.

— Их едят, а они глядят, — добавила Тося под общий смех.

Папе очень нравилась эта поговорка в исполнении сестер-близняшек и всякий раз он от души смеялся.

— Ну что ты, как маленький, — говорила мама.

Ребята сразу начали представлять себя грибами и показывать, какими глазами они глядят.

— А теперь давайте аккуратно все доедим, — сказал папа серьезным голосом, — мы это сделаем, чтобы не обидеть няню Зою и маму, которые готовили нам эти вкусности, когда мы с вами кувыркались на снежной горке.

Дети поужинали и побежали в детскую смотреть по телевизору вечернюю сказку, рассаживаясь кто на полу, кто на мячике, кто на любимой скамеечке, — то замолкая, то звеня голосками. И было им беззаботно и хорошо, потому что все они были любимы.

После мультика полагалось чистить зубы и спать. Но пока их никто не звал. Мальчишки принялись рисовать и играть в солдатики. А девочки отошли в уголок к большому аквариуму и Калямке снова послышался таинственный Лерочкин говорок:

— … он находится у него… надо только обязательно загадать все, что ты хочешь и это все сбудется. Правда!

— У кого это «у него»? — шепотом спросил у себя Калямка, и пожал плечами.

Он придвинулся поближе к девчонкам.

— А ты точно знаешь, что у него? — спросила Тося

— Точно. Про это в одной книжке написано, — ответила Лерочка.

Девочки повернулись к окну и заглянули за занавеску.

— Надо, чтобы мальчишки не догадались, а то они первые возьмут. — услышал Калямка и подошел еще ближе.

— Калямка подслушивает! — обернувшись воскликнула Фрося.

— Как тебе не стыдно шпионить за нами, Калямка? — сказали ему. — Иди лучше играй в свои машинки, понял?

Калямка понял, что ж тут не понимать. За окном-то был их детский дворик с тремя высокими туями, которых всегда наряжали под Новый год. Под одной из них стоял старый-престарый дед Мороз, с

облупившимся носом и выпавшими бровями…

Вошла мама и сказала всем чистить зубы. Через полчаса везде погасили свет, кроме кухни и папиного кабинета. Дети лежали в своих кроватках, о чем-то думая, да так потихоньку и отлетали со своими думками в легкий, как облако, сон. Но Калямка не спал. Он ждал, когда все заснут и мама, поцеловав каждого из них в макушку, закроет дверь.

— А если выбежит собака, тогда я покормлю ее своим печеньем, и она не станет меня кусать… — накрывшись одеялом разговаривал с собой Калямка.

Если честно, то он немного побаивался деда Мороза. Какой-то он загадочный этот дед. Калямка и раньше нет-нет, да и обращал на него внимание. И в то же время, ему никогда не приходило в голову смеяться над ним, хоть он уже и перерос его на целую варежку. Все же оставалось в нем какая-то тайна, ведь он был старше всех в доме. Говорят, его впервые видели здесь еще до войны.

Как только мама ушла, он встал, кое-как оделся и вышел из спальни. Проскользнул на цыпочках мимо кухни…

Он появился во дворе в своей лохматой ушанке, шубейке и в валенках на босу ногу, и направился прямо к туе, не подозревая о том, что папа с мамой наблюдают сейчас за ним из окна.

— Ну, вот куда его понесло? — спросила мама.

— Сейчас все узнаем, — ответил папа.

Калямка дошел до туи и тотчас увидел под ней покрытого инеем деда Мороза. В одной руке, вместо посоха, держал он обломок от лыжной палки. Калямку же интересовало то, что было у деда в другой руке. А в

ней сжимал он полинявший от времени, с едава заметными звездочками, полотняный мешочек, уцелевший за столько лет, в который еще никто никогда не заглядывал. Заветный мешочек! Именно там, если верить Лерочке, нахоидлся волшебный стеклянный шарик. Его надо было достать, зажать крепко в руке, потом поднести к губам — чтобы никто не слышал — и рассказать ему о том, что ты хочешь. Еще нужно было закрыть глаза, чтобы потом увидеть, что все исполнилось. Дед смотрел на Калямку, словно ждал этой минуты всю свою жизнь, и лицо его, с облупившимся носом, без косматых седых бровей, выглядело беспомощными и жалким.

— Отдай мне его, пожалуйста, — попросил Калямка и потянул за мешочек.

Но дед вцепился в него не на шутку. Без борьбы не отнять.

— Ну, отдай… ну, отдай, — повторял Калямка, выдирая его из слабеющей хватки деда.

Во что бы то ни стало ему нужно было завладеть этим мешочком, потому что у каждого уважающего себя человека обязательно найдется самая большая мечта или, по крайней мере, какое-нибудь самое сильное в мире желание, которое непременно должно исполниться.

— Что он там делает? — спросила мама.

Калямка, затаив дыхание, рылся в мешочке, доставая оттуда какие-то бумажки, тряпочки… потом пошли опилки… Шарика не было.

— Ничего не понимаю, — сказал мама, — зачем он это сделал?

Калямка стоял в кругу просыпанных им опилок, и задрав голову, смотрел на небо. Он не кричал и не плакал, смотрел удивленно… И небо

смотрело на него, необъятное и живое… И никто бы не решился сказать, что он понял в тот миг или что открылось ему. Но он засмеялся…

— Нет, я больше так не могу, я пойду к нему, — сказала мама.

— Постой, постой, — сказал папа, и тоже посмотрел на небо, — не надо ему мешать.

Через много лет, перед самой смертью, Николай Сергеевич вдруг вспомнит об этом. Вспомнит настолько свежо и сильно, что это взволнует его. Что же случилось с ним, с тем мальчишкой, который стоял, глядя в небо, онемев от обиды? Почему он не заплакал тогда, ведь он так обманулся в своей надежде? Что-то не дало ему заплакать. И даже больше…

Он уронит в подушки свою белую голову с резко очерченной тенью в висках и глазницах, смежит веки.

И снова всплывет перед ним необъятное небо, и снова заполнит его всего своей непостижимой отеческой нежностью…

— Да, именно так, только это! — скажет он, улыбнувшись. — Всё пустяки… Только так, только это!

Максим Яковлев

Здравствуйте, я – Дед Мороз

Николка приоткрыл рот, придвинулся ближе к зеркалу и придирчиво осмотрел два крупных передних зуба, сильно выдающихся вперёд. Постукал по левому ногтем, вздохнул. Нет, целый месяц ежедневного массажа не дал результата, зубы не подались назад ни на миллиметр. Плохо. Да ещё мама наряжает его на ёлку в костюм зайца второй год подряд— сперва в саду, а теперь и в школе… Как тут не заработать отвратительное прозвище?

— Кролик. Кролик и есть! — прошептал он с горечью и понуро поплёлся в комнату. Стряхнул ёлочные иглы со старого красного кресла и с ногами угнездился в нём, поближе к окну с зажжённым ночником в виде совы. На улице всё так же лил совершенно не январский тёплый дождь. Вот тебе и зимние каникулы! Вместо катания с гор и лыжных пробежек — лягушачья слякоть и сидение дома. И мама ушла на дежурство… Праздник, а Николка один.

В приоткрытую форточку потянуло незнакомым сильным запахом. В

щель лился густой бело-сизый дым. Как был, в ковбойке и шлёпанцах на босу ногу, Николка выскочил на балкон. Снаружи было сыро. На балконе соседа, Константина Ивановича Ромашова, сидел Дед Мороз в красном тулупе и жарил шашлыки. От мангала валил дым. Николка застыл, вцепившись в косяк и разинув рот. Дед Мороз коротко глянул на него и спросил голосом Ромашова:

— Шашлык будешь?

Николка спохватился, закрыл рот и отрицательно помотал головой.

— Сыроват, — согласился Дед Мороз и повернул шампуры. Волосы из-под шапки торчали у него седые, а борода была совершенно чёрная, как у Ромашова. Николка стоял, зачарованно глядя на сизый дым над мангалом. Он вздымался к небу, как фимиам, о котором упоминалось в толстой книге, что мама читала по вечерам. «Дождь, костёр и фимиам. Такого Рождества у меня ещё не было», — подумал мальчик.

Внизу завыла пожарная сирена. Показалась красная машина с мигалкой. Пожарные поспешно выдвигали лестницу, разматывали рукав. С другой стороны улицы подкатил к дому и остановился у подъезда милицейский «рафик».

— Окружили, — задумчиво констатировал Дед Мороз-Ромашов, перегнувшись через перила и глядя вниз. — Ты не знаешь, почему одинокий человек не имеет права на порцию шашлыка в праздничный вечер?

Николка не знал. Неожиданно Ромашов выудил откуда-то неширокую доску и перекинул её со своего балкона на перила николкиного.

— Прошу принять на двадцать минут до окончания осады, — он по-военному кивнул.

— Но ведь четвёртый этаж? — испугался Николка.

— Обстоятельства, — развёл руками сосед.

Мальчик вспомнил рыжего соседского котёнка, сорвавшегося с балкона летом, и жалобно прошептал:

— Дядя Ромашов, давайте через дверь, а? Вы успеете до их прихода, честное слово! — и, не давая Ромашову возразить, крикнул: — Я вам открою! — и умчался, хлопнув балконной дверью.

Двадцать минут спустя с балкона Ромашова перестала стекать вода, за окном стихли крики пожарных, а на лестнице — голос участкового Петрунина, отчаявшегося выломать дверь ромашовской квартиры. Константин Иваныч, в расстёгнутом тулупе и без шапки, сидел на кухне у Николки и доедал шашлык. Маленький хозяин, придерживая ногой дверь холодильника, выставлял на стол квашеную капусту, рыбный салат и торт «Прага».

— Я умею готовить только яичницу и шашлык, — объяснял Ромашов, обмакивая мясной кусок в кетчуп и отправляя в рот. Когда он жевал, борода поднималась вверх и вниз, как будто поддакивала. — Ну, думаю, яичница для праздника не годится, надо жарить мясо. А куда в такую погоду подашься? Решил на балконе делать. Всё-таки — открытый воздух.

— А почему в тулупе? — спросил Николка. Ромашов сделал большие глаза.

— Не поверишь, тёплой куртки в доме нет! Я каждый день в офис — на машине, в выходные дома работаю безвылазно. А костюм с Нового года остался: в офисе как несемейного уговорили поседморозить, — он помолчал, жуя. Взглянул на окно в комнате, удивился. — А что это вы ночником улицу освещаете?

— Так Рождество же, — удивился, в свою очередь, Николка. — Мы всегда в Рождество огонёк на окно ставим — показываем Христу-Младенцу, что ждём Его. Мама говорит: надо верить и ждать хорошего. Тогда чудеса случаются скорее.

— А ты веришь в чудеса? — Ромашов серьёзно посмотрел в николкины серые глаза. Тот, тряхнув белобрысой прямой чёлкой, улыбнулся, открыв выступающие передние зубы.

— А как же! Мама в прошлом году уж как боялась, что на её зарплату не проживём. А потом и дачу сняла на лето, и за бабушкины лекарства заплатила. Только мне на брекеты не хватило, — он вздохнул и тронул несчастные передние зубы костяшками пальцев.

Ромашов положил вилку на стол.

— А отец твой что же? — глухо спросил он. Николка засопел и стал колупать дырочку на клетчатой клеёнке, покрывавшей стол.

— Ясно, — Ромашов угрюмо кивнул и отодвинул тарелку. — Знаешь что, брат? — он порылся в кармане. — У меня тётка — зубной врач. Она тебе такие брекеты поставит, какие самому Биллу Гейтсу не снились. Да где же мой мобильный?

— А вы его на балкон с собой брали?

Ромашов хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ах ты, голова садовая! Нет, конечно. И ключи, разумеется, тоже дома, — он засмеялся. — Ну, брат, зависну я у тебя ещё часа на два, буду тётке звонить, чтобы запасные привезла.

— Конечно, конечно! — воскликнул Николка. — Вы только по доске не ходите…

— Не бойся, не пойду, — Ромашов пригладил бороду. — А вот что маме скажем? Поверит она в нашу историю? Если сказать, что я — Дед Мороз, и то правдоподобнее будет, — Ромашов нахлобучил шапку с седыми волосами по краям и пробасил: «Здравствуйте, разрешите представиться, я — Дед Мороз», — и захохотал вместе с Николкой.

И тут дверь распахнулась. На пороге стояла мама с мокрым зонтиком в руках.

— Мама, познакомься, — сказал Николка, улыбаясь во весь рот, — это — Дед Мороз.

Десять минут спустя мама, в нарядном синем платье, разливала чай и нарезала торт «Прага». Играло радио. Ромашов помолодевшим голосом всё-таки рассказывал про шашлык на балконе. Николка выскользнул в коридор, прикрыв за собой кухонную дверь, прислонил к стене пустые шампуры. Постоял немного, прислушиваясь к весёлым голосам мамы и Ромашова, улыбнулся и пошёл в комнату. Он снова устроился в кресле так, чтобы удобно было смотреть в окно. Удивительное всё-таки получилось Рождество: и дождь, и фимиам, и Дед Мороз…. Он долго смотрел на ночник, думая, что слякоть — это не всегда плохо, и вдруг с беспокойством ощутил, что за окном что-то изменилось. Он вгляделся в сгустившуюся темноту и тихо рассмеялся. На улице шёл крупный рождественский снег.

Наталья Савушкина

Девочка с китайскими зажигалками

Мало кто знает, что известный московский скульптор Цураб Зеретели увлекается собиранием нэцкэ. Хобби свое, ничего предосудительного не имеющее, он почему-то не афиширует.

В тот морозный снежный вечер, по недоразумению московской погоды выпавший удачно — на тридцать первое декабря, Валерий Крылов стоял у антикварного салона вблизи Пушкинской площади и разглядывал только что купленное нэцкэ. Нэцкэ — оно и в России нэцкэ. Статуэтка сантиметров в пять, брелок из дерева или слоновой кости, к которому не придумавшие карманов японцы привязывали ключи, курительные трубки, ножички для харакири и прочую полезную мелочь. Потом вешали связку на пояс и шли, довольные, демонстрировать встречным свои богатства. В общем — вещь ныне совершенно бесполезная и потому до омерзения дорогая. Но если ты хозяин маленького завода по выплавке цветных металлов и тебе позарез нужен рынок сбыта в Москве, то нет ничего лучше знакомого скульптора-монументалиста. Одной лишь бронзы великий скульптор потреблял больше всех уцелевших московских заводов вместе взятых! А лучший способ добиться внимания будущего клиента — потешить его маленькую слабость… в данном случае — подарить нэцкэ.

Надо сказать, что в тонкой сфере искусства и в еще более нежной материи собирательства деньги не всесильны. Перед иным коллекционером ночных вазонов хоть полными чемоданами долларов потрясай — все равно не слезет с любимого экземпляра, складного походного горшка Фридриха Великого. Так и с нэцкэ. Мало иметь деньги, надо еще и поймать судьбу за хвост, опередить других коллекционеров, людей небедных и готовых на все для утоления своей страсти.

Валерию определенно повезло. Не будем обсуждать как и почему повезло — ведь везение вещь не случайная. Как бы там ни было, но сейчас он стоял у своего старенького “Пежо” и разглядывал японский брелок с той смесью удовлетворения и брезгливости, что обычно наблюдается у человека удачно выдавившего прыщ. Нэцкэ изображало маленькую пухлощекую девочку, завернутую в тряпье и держащую перед собой поднос. На подносе едва-едва угадывались маленькие продолговатые предметы. В каталоге нэцкэ называлось “Девочка с суси”.

— Суси-пуси, — пробормотал Валерий. — Хоть написали правильно…

Пора было ехать домой — переодеться, выпить чуток коньяка, вызвать шофера и отправиться в хорошее и мало кому известное заведение, где можно будет презентовать знаменитому скульптору творение японских конкурентов. Жену с дочкой Валерий еще неделю назад отправил в Париж на рождественские каникулы. Так что новогодний вечер мог оказаться шумным и пьяным, а мог, напротив, иметь завершение романтичное и волнующее. Не только бизнесмены отправляют свои семьи отдохнуть за границу, порой они уезжают и сами… Продолжая разглядывать малолетнюю японскую торговку рисовыми рулетиками (блюдо, на взгляд Валерия, одновременно пресное и тяжелое), Крылов достал сигарету. Курить за рулем он не любил.

— Дяденька, купите зажигалку, — донесся до него робкий голос.

Валерий обернулся. На тротуаре стояла маленькая, лет десяти, девчушка. В нейлоновой куртке, слишком большой для нее и слишком грязной для

любого. В широченном взрослом шарфе, намотанном поверх куртки. В вязанной шерстяной шапочке. В озябших, уже синеватых ладошках девочка держала крышку от обувной коробки. На картонке, припорошенные снегом, лежали разноцветные китайские зажигалки.

— Своя есть, — буркнул Валерий. В метро он последний раз ездил года три назад, на улицах с побирушками и нищими тоже встречался редко. Может быть поэтому они вызывали у него даже не раздражение, а легкую оторопь и отчетливое желание принять горячий душ. Девочка упрямо стояла рядом. Валерий полез в карман, в надежде, что обнаружив в его руках зажигалку малолетняя попрошайка отправится своей дорогой. Но зажигалка упрямо не желала находиться. Девочка засопела и провела ладошкой под носом.

— Почем твои зажигалки? — буркнул Валерий. Милостыню он не подавал принципиально, чужих детей не любил, но в данном случае решил вступить с девочкой в товарно-денежные отношения. Курить хотелось все сильнее — так всегда бывает, когда уже достал сигарету, а зажигалку найти не можешь.

— Десять… — прошептала девочка.

— Десять… — с сомнением произнес Крылов и снова стал шарить в кармане в поисках мелочи. — Что же ты по морозу ходишь полуголая? Простынешь — и умрешь!

Нравоучение вышло какое-то фальшивое, он даже сам это почувствовал. Ясное дело, не ради удовольствия бедный ребенок торгует зажигалками.

— Красивая куколка, — вдруг сказала девочка, глядя на нэцкэ в руках Крылова.

— Да, да, красивая… — Крылов вдруг с удивлением обнаружил, что нэцкэ и девочка-побирушка карикатурно похожи. При желании “девочку

с суси” вполне можно было назвать “девочка с китайскими зажигалками”, даром что не было в ту пору никаких зажигалок. Но даже не это главное! Лица были похожи! Чтобы избавиться от наваждения, Крылов бесцеремонно взял девочку за плечи и развернул к падающему из витрины свету. Присел перед ней на корточки. Держа нэцкэ на вытянутой руке еще раз сравнил лица. Ну надо же! Словно позировала!

— Во дела, — поразился Валерий. — Века идут, люди не меняются… выходит, японцы раньше на людей походили?

— У меня никогда не было кукол, — вдруг горько сказала девочка. Валерий крякнул, достал из кармана сотню и положил среди зажигалок: — Иди в “Детский мир”, детка. Купи себе куклу…

А сколько стоит кукла? Валерий вдруг с удивлением понял, что не знает. Собственная дочь чуть старше этой нищенки, вся детская игрушками завалена… но разве он хоть раз покупал ей игрушки? Либо жена, либо няня…

— На, купи себе “Барби”, — решил Крылов, бросая на картонку пятьсот рублей. Уж если делать в новогоднюю ночь добрые дела — так зачем мелочиться?

— Я хочу эту, — твердо сказала девочка, не отрывая взгляд от нэцкэ. Валерий усмехнулся и покачал головой: — Нет, деточка. Эта кукла стоит… ну очень дорого. Купи себе куколку и иди к маме…

— Простите, что я так настойчива, — внезапно выпалила девочка, опуская картонку. Зажигалки, успевшие примерзнуть к картонке, даже не попадали. — Но чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня эксплуатировать ваши естественные рождественские позывы к добру и милосердию…

Так и не зажженная сигарета выпала у Крылова изо рта. Он торопливо

встал и шагнул к машине.

— Возможно, я неудачно выбрала день? — поинтересовалась девочка вслед. — Но у вас запутанный календарь, вы празднуете рождество дважды, поэтому я выбрала среднеудаленное от обоих праздников время…

— Шиза, — коротко сказал Крылов, скрываясь в машине. Запустил двигатель, потом уже торопливо спрятал нэцкэ в карман. Покосился на девочку — та смотрела на него, беззвучно шевелила губами. — Шиза или белочка. Вопрос только, у кого?

Девочка исчезла. Была — и не стало ее.

— У меня, — решил Крылов и его всего передернуло. Ну что за напасть? Никогда в роду психов не было… Он медленно тронул машину.

— Вы абсолютно здоровы, — донеслось сзади. — Хотя…

Крылов в панике ударил по тормозам. Обернулся. Девочка сидела на заднем сиденье, все так же сжимая в руках картонку. Смотрела на Крылова невинными детскими глазами. — Легкая форма геморроя, намечающийся простатит, дискинезия желчного пузыря. В остальном вы здоровы, — повторила девочка. — Так вот, я прошу прощения за неудачный выбор времени. Но мне кажется, что в новогоднюю ночь, тем более являющуюся среднеарифметическим сочельником, вы максимально склонны к добрым делам…

— Ты кто такая? — воскликнул Крылов. — Ты как в машину попала?

— Я маленькая девочка. Я сместила себя относительно пространства. Вы меня выслушаете?

— Почему ты так говоришь? Девочки так не разговаривают!

Девочка вздохнула:

— Моя речь трудна для понимания? Соберитесь с силами, прошу вас! Все очень просто, я — из будущего.

Валерий кивнул:

— Ага. А я с Марса.

— Непохоже, — отрезала девочка. — Итак, я из будущего, я путешествую во времени. Точное дату вам знать не обязательно.

Крылова охватил легкий азарт:

— Из будущего, говоришь? Фантастика, значит? Как же, верю! У нас тут полным-полно путешественников во времени. Куда не шагнешь — на них натыкаешься.

— Вот и неправда, — обиделась девочка. — Нет тут больше никаких путешественников. И ваша ирония неуместна!

— Если ты из будущего и так легко об этом рассказываешь, так почему никто не знает о путешественниках во времени? Почему никто больше их не встречал?

— А в ваше время никто и не путешествует, — отрезала девочка. — Чего тут интересного? Экология плохая, пища некачественная, люди злые, культура примитивная, войны неэстетичные… Все ездят в Древнюю Грецию, в Средние Века, в Древний Китай и Японию… вот там красиво!

Крылов не нашелся, что ответить.

— Так вот, — продолжала девочка. — Я — обычная путешественница во времени. Мне десять лет. Это не должно вас смущать, умственно я развита как взрослый человек.

— Не верю, — твердо сказал Крылов. Девочка опять растаяла в воздухе. Возникла на соседнем сиденье.

— Гипноз, — предположил Крылов.

Машина дрогнула и медленно поднялась в воздух. Заснеженные улицы ушли вниз, засвистел ветер, Москва раскинулась под ними огромной светящейся картой.

— И это гипноз? — поинтересовалась девочка. — Тогда выйдите наружу. Крылов помотал головой.

— Так-то лучше, — обрадовалась девочка. Лицо ее чуть порозовело. — Теперь вы мне верите? Или еще что-нибудь сделать?

— Верю… — прошептал Крылов. — Девочка, а девочка… как там, в будущем?

— Зашибись! — кратко ответила девочка. — Так вот, Валерий Павлович. Просьба у меня к вам. Сделайте мне, маленькой девочке затерянной во тьме веков, рождественский подарок?

— Нэцкэ? — уточнил Крылов.

— Угу, — девочка улыбнулась. Несколько секунд Крылов молчал. А потом заорал: — Да ты что несешь? Подарок, говоришь? Нэцкэ? Ты знаешь, чего мне стоило ее добыть? Хрен с ними, с деньгами… ты думаешь, вся Москва завалена уникальными нэцками? А мне сегодня надо его подарить одному скульптору! Тогда, возможно, он станет покупать бронзу моего завода! И у меня наладится бизнес! Иначе все… по миру пойду.

— Мне очень нужна эта нэцкэ! — тонко выкрикнула девочка. — Отдайте ее мне!

— Давай другую взамен, — решился Крылов. — Тебе же нетрудно смотаться в Японию, верно? Купишь нэцкэ двести лет назад, привезешь в Москву, отдашь мне… ты чего?

Девочка тихо ревела, вытирая слезы грязной ладошкой. Машина начала опасно раскачиваться.

— Эй, ты равновесие-то держи! — в панике выкрикнул Крылов. — На, утрись… — он протянул девочке чистый носовой платок. — Зачем тебе моя нэцкэ? Ты же вон, какие чудеса творишь!

— И вовсе… она не ваша… — сквозь слезы пробормотала девочка. — Ее мой папа из кости вырезал…

Как гласит народная мудрость, женщина не права до тех пор, пока не заплачет. К маленьким девочкам это правило тоже относится — Крылов почувствовал себя смущенным.

— Не моя… я за нее деньги платил… — огрызнулся он. — Слушай, ты настоящие чудеса творишь — так чего ко мне привязалась? Могла бы украсть или отобрать свою нэцкэ и все дела…

— Не могу! — с обидой выкрикнула девочка. — В том-то и дело!

Из путаных объяснений Валерий понял, что всем путешественникам во времени делают специальную инъекцию, резко меняющую характер. После этого укола никто из путешественников не способен убить, ограбить или еще как-то обидеть своих отсталых предков. Разве что в целях самообороны… — Вот если вы меня ударите или покуситесь… — с надеждой пробормотала девочка.

— Ха! — возмутился Крылов. — Ты за кого меня держишь? Не собираюсь я тебя ударять, а уж тем более покушаться!

— Жалко, — вздохнула девочка. — А то я взяла бы нэцкэ с вашего бесчувственного тела…

Как ни странно, но такая откровенность успокоила Валерия.

— Зачем тебе именно эта нэцкэ, девочка? — спросил он. Достал сигарету, подобрал с пола одну из китайских зажигалок, закурил. — Чего ты ко мне привязалась?

Девочка принялась рассказывать. Оказалось, что в прошлое она отправилась вместе с отцом — в Англию восемнадцатого века на рождественские каникулы. Но в Англии папа заскучал и отправился в Японию восемнадцатого века. Прошли все положенные сроки, но он из Японии так и не вернулся. Девочка поняла, что с ее папой что-то случилось. Наверное, сломалась машина времени, такое иногда бывает.

— А спасателей у вас нет? — удивился Крылов.

— Нет. Во времени каждый путешествует на свой страх и риск, — призналась девочка. — Спасать потерявшихся — это значит создавать временные парадоксы!

Когда папа потерялся, девочка могла вернуться домой сама. Но ей очень хотелось спасти отца. И она стала думать — чем же папа примется зарабатывать себе на жизнь? Грабить и убивать ему нельзя, обучать местных наукам — тоже. И тогда она сообразила — ведь папа увлекался резьбой по кости. Значит, станет резать нэцкэ. А чтобы его легче было найти — в каждой нэцке станет допускать анахронизм — какую-нибудь деталь, несоответствующую времени. Сообразительная девочка принялась искать такие нэцкэ — и нашла одну. Именно ту, что купил Крылов.

— Понял! — воскликнул Валерий. — Так это не “Девочка с суси”? Это “Девочка с китайскими зажигалками”?

— Нет, это не зажигалки, — запротестовала девочка. — Это… у вас и слова-то такого нет. Это маленькие штучки, которые служат для создания… этого слова тоже еще нет. Для создания других больших штук.

Крылов достал нэцкэ. С сомнением осмотрел ее, спросил:

— Ну и что? Допустим — это сделал твой папа. Подал сигнал о помощи, так? Ну и отправляйся спасать папочку. Чего тебе еще надо?

— Нэцкэ! Ее надо засунуть в специальный ящичек в машине времени! — заревела девочка. — И тогда машина времени отправится в то время и место, где нэцкэ вырезали! И я спасу папу.

— А нэцкэ? — уточнил Крылов, уже догадываясь, каким будет ответ.

— Распадется на атомы.

— Других подходящих нэцкэ нет? — спросил Крылов.

— Да поймите же, их не может быть! Если они будут, значит я папу не спасла! Значит, он так и прожил в древней Японии всю жизнь!

— Дела, — вздохнул Крылов.

Девочка тоже вздохнула. И сурово произнесла:

— Либо вы мне нэцкэ подарите и я папу спасу. Либо вы пожадничаете. И папа погиб.

— Девочка, я же на грани разорения, — признался Крылов. — Нет, мне очень жалко твоего папу… и ты отважная девочка…

Путешественница во времени снова захныкала.

— Хоть деньги верни! — взмолился Крылов. — Или другую нэцкэ мне дай!

— Нет у меня денег, — всхлипнула девочка. — И ничего я вам дать не могу. Даже не могу подсказать, на какие числа выигрыш в лотерее выпадет.

— Запрещено? — понимающе спросил Крылов.

— Не интересовалась никогда древними лотереями… — призналась девочка.

Крылов помолчал. Эх, какой был план! Редкое нэцкэ в подарок… дружеский разговор… выгодный контракт… финансовое преуспевание…

— Иди, спасай своего папу, — сказал он и протянул девочке древнеяпонский брелок. — Только вначале опусти машину на место!

Девочка просияла:

— Спасибо! Спасибо вам! Я знала, что в среднеарифметический вечер сочельника все люди добреют и случаются настоящие чудеса! Она неловко чмокнула Крылова в щеку — и исчезла. Машина вновь стояла у антикварного салона. Только на полу валялись одноразовые зажигалки.

— Настоящие чудеса, — горько сказал Крылов. — Кому как.

Все его планы пошли прахом. И все из-за какой-то наглой девчонки и ее глупого отца… Тоже мне, туристы! Сами они не местные, машина времени сломалась…

Он завел машину и, уж и не зная зачем, все-таки поехал к ночному клубу. Что же теперь, пытаться наладить отношения со знаменитым скульптором без всяких интересных новогодних подарков? Пустой номер. И, все-таки, придется попытаться… Крылов уже припарковал машину на стоянке, когда с заднего сиденья раздалось деликатное покашливание.

— Опять? — воскликнул он в панике и обернулся.

В машине теперь появились двое — та самая девочка, одетая в темно-желтое платье и алую шелковую накидку, и худощавый мужчина в узких черных штанах и черно-белом жилете с широкими плечами.

— Красивое у меня кадзами? — воскликнула девочка.

— Спасибо вам, Валерий-сан, — строго глянув на девочку сказал мужчина. — Вы спасли меня ценой больших жизненных неудобств… Домо аригато годзаимас!

— Да ладно… чего уж там… — смутился Крылов. — Праздник как-никак…

— Мы должны отправляться назад, в будущее, — сказал мужчина. — Но я не мог не поблагодарить вас. Примите этот скромный подарок, Валерий-сан! Я резал эту нэцкэ для очень важного чиновника, но вам преподнесу куда с большей радостью!

Крылов едва успел взять из его рук крошечную скульптуру — девочка и мужчина склонили головы и исчезли. На этот раз, похоже, навсегда.

— Надо же… — прошептал Крылов, разглядывая нэцкэ. — Надо же… спасен… что-что??? Нэцкэ изображала, похоже, самого скульптора — высокого и худощавого мужчину в японских одеждах. Но в руках мужчина держал пивную бутылку!

— Анахронизм… — прошептал Крылов. — “Мужчина с пивом”… Да как же я ее подарю?

Он безнадежно рассмеялся. Чудеса… праздник… раз уж делаешь добрые дела — так не рассчитывай на благодарность! Хотя… Крылов еще раз внимательно оглядел нэцкэ. Назвали же ту девочку с не пойми чем — “девочкой с суси”! Главное — вовремя дать правильное название. А там уж человек увидит то, что ему пообещали! С работами московского скульптора-монументалиста это тоже случается сплошь и рядом!

— Мужчина с пестиком… — произнес Крылов. — Нет. Лучше — “Алхимик с пестиком”! Работа неизвестного мастера…

С нэцкэ в руках он выбрался из машины.

Все должно получиться.

В этот вечер все люди добреют!

Сергей Лукьяненко

Источник: rusf.ru/lukian

Папа для Максима

У Максима не было папы. Почти у всех ребят в группе были, а вот у него – нет. Обидно до слез. Каждый вечер, тоскливо дожидаясь няню, Максим смотрел, как чужие папы приходили и забирали Варю, Машу, Тоню, Вадика, Сережу… Папы были большими, весело улыбались, подхватывали своих детишек на руки, зашнуровывали им ботиночки и ловко подвязывали бантики на шапках.

Максим умел завязывать шнурки сам – еще в три года научился. Поэтому няня ему не помогала. И на руки не подхватывала, и волосы не взъерошивала… Просто стояла в дверях, поджав губы, пока он торопливо одевался, а потом вела домой, сжав детскую ладошку железной хваткой длинных тонких пальцев. Этими пальцами она когда-то добывала себе известность на международных фортепианных концертах, но время ушло, слава поблекла, и все, что осталось бывшей знаменитой пианистке – ученики, разучивающие гаммы, по утрам, и Максим с семи до девяти вечера.

Няня не была злой. Она никогда не кричала на Максима, не обзывала плохими словами, не шлепала по попе и не ставила в угол. Но каждый раз, заглядывая в ее глаза-льдинки, Максим пугался до смерти. Хотелось стать малюсеньким, совсем незаметным, сжаться в комочек, отползти, спрятаться под диваном. Он прозвал няню про себя Снежной Королевой и ужасно боялся, что она превратит его сердце в осколок льда.

Но в девять приходила мама и развеивала злые чары. Максим больше всего на свете любил этот момент – звук поворачиваемого в замочной скважине ключа, щелчок выключателя в прихожей, шорох снимаемого пальто. Он выскакивал из комнаты и с разбегу утыкался головой маме в живот, крепко-крепко ее обхватывая и вдыхая до боли родной запах. От мамы пахло духами, теплыми булочками с корицей, которые она каждый день покупала в супермаркете рядом с домом, а еще чем-то неуловимо-уютным, домашним, неповторимым – тем, чем может пахнуть только от мамы и больше ни от кого на свете.

Снежная Королева, видимо, боясь растаять от принесенного мамой тепла, торопливо прощалась, подхватывала в прихожей сумочку и уходила, а для Максима наступало самое счастливое время – когда они с мамой сидели на кухне и пили чай с булочками, рассказывая друг другу обо всем, что произошло за день. Мама иногда жаловалась на вредного начальника, у которого работала референтом (Максим очень любил это красивое слово, хоть и не научился пока правильно произносить – буква “р” ему давалась не очень хорошо), а еще на то, что ученики на курсах французского плохо готовят домашние задания и расстраивают ее несообразительностью и плохой памятью. Максим подробно перечислял, что ел в садике на завтрак, обед и полдник, рассказывал, какого классного робота сделал из конструктора, как поссорился с Игорем из-за того, что тот плюнул кашей в тарелку Максима, как играл на прогулке с Васей в снежки, заехав при этом случайно по голове Маше, а потом просил у нее прощения и отряхивал шапку, капюшон и бантики на косичках… И еще о многих таких же интересных и важных вещах говорил Максим, уплетая за обе щеки вкусные булочки с корицей, а мама внимательно слушала, улыбалась, хмурилась, качала головой и ласково трепала сына по темным волосам.

А потом он лежал в постели, уютно свернувшись калачиком под теплым одеялом, и слушал сказки про честного и доброго лисенка Людвига Четырнадцатого, про веселого выдумщика Карлсона, который живет на крыше, про загадочную и непредсказуемую Мэри Поппинс, которая так не похожа на его Снежную Королеву, про отважного Питера Пена и злого капитана Крюка… Мама читала громко, увлеченно, с выражением – Максим знал, что ей так же, как и ему, интересно, что будет дальше и

какие приключения поджидают любимых героев на следующей странице.

Больше всего он любил слушать сказку про самую сильную на свете девочку Пеппи Длинныйчулок – как она жила одна в своем домике, поднимала на балкон лошадь и играла с Томми и Анникой, а однажды приехал ее папа из дальних странствий и увез с собой на остров Куррекуредутов. Максим мечтал о том, что однажды и к ним с мамой приедет папа и увезет на остров… Или не станет никуда увозить, а будет жить с ними и забирать по вечерам Максима из садика, подхватывать его на руки и прижимать к широкой груди. Максим говорил об этом маме, но та только вздыхала и грустно улыбалась. “Сынуля, разве нам с тобой вдвоем плохо? Ведь мы друзья, правда? И никто нам больше не нужен”. Максим кивал – он не хотел расстраивать маму, но, закрывая глаза и погружаясь в сон, продолжал думать о загадочном острове с пальмами и веселом папе в полосатой тельняшке, который будет играть с ним, лазить по таинственным гротам, собирать на берегу красивые ракушки и рассказывать страшные истории про морских пиратов.

Иногда к ним в гости приходили чужие папы – со своими женами и детьми. Мама, нарядная и сияющая, накрывала на стол: стелила скатерть, ставила красивые тарелки и бокалы. Максим помогал: носил, высунув от старания язык, с кухни табуретки, аккуратно сгибал салфетки – так, что получались треугольнички, и подкладывал их под бортики тарелок. Гости рассаживались, наполняли квартиру оживленным гомоном, нахваливали мамины салаты и жаркое; бородатые дяди играли на гитарах и пели песни про бричмулу и группу крови на рукаве. Максим, восторженно заглядывая в их смеющиеся глаза, забирался каждому по очереди на плечи, цеплялся за волосы, щекотал шею и подбородок, хлопал ладошками по груди и животу. Ему так хотелось, чтобы кто-нибудь из них не ушел вечером домой, посадил Максима на колени и сказал, что будет теперь его папой… Но праздник неизменно заканчивался: все дяди, взяв за руки своих сыновей и дочек, расходились по домам, Максим с мамой оставались вдвоем, а в раковине на кухне возвышалась гора грязной посуды.

А однажды произошло необыкновенное: мама пришла домой не одна, а с

каким-то дядей. Дядя, смущенно улыбаясь, поздоровался и вручил Максиму машинку на веревочке. В такие машинки Максим перестал играть года три назад, но дяде об этом не сказал и даже постарался радостно улыбнуться – мама всегда учила его, что за подарки надо благодарить и ни в коем случае не подавать виду, если они не понравились.

Потом они втроем пили чай с булочками на кухне, и мама с дядей разговаривали о чем-то своем, не очень понятном Максиму, причем дядя почему-то ерзал на табуретке и все время звякал ложкой в чашке, хотя сахар уже должен был давным-давно раствориться. “А вы ведь будете моим папой, правда?” – спросил Максим, собравшись с духом. Дядя поперхнулся чаем и закашлялся. Максим заботливо постучал его по спине, но ответа так и не дождался – дядя внезапно заторопился домой, одним глотком допил чай и ушел. Больше в их квартире он никогда не появлялся.

Мальчик ужасно расстроился. Почему дядя ушел? Неужели он, Максим, что-то сделал не так? Но мама сказала, что он ни в чем не виноват. “Понимаешь, сынок, просто некоторые мужчины очень боятся ответственности. Вот и этот испугался. Значит, мы с тобой не так уж были ему нужны… Да и он нам зачем такой пугливый нужен?”

Слово ответственность, хоть в нем и не встречается ни одной буквы “р”, было очень сложным для Максима. Но главное он понял – не все дяди, даже если они приходят с мамой домой и дарят ему подарки, хотят стать папами. От этого понимания Максим повзрослел.

* * *

Все гениальные идеи просты. И как он только раньше не сообразил! Ведь скоро Новый год – время, когда может случиться любое чудо. Нужно только как следует в него поверить и попросить Деда Мороза! Вот прямо сейчас Максим сядет и напишет ему письмо – буквы-то печатать еще в прошлом году мама научила. “Дарагой дет марос падари мне пажалусто на новый гот папу очин тибя прашу максим”. Про это

письмо он никому на свете не скажет. Мама, конечно, как всегда, спросит, что он хочет от Деда Мороза, а Максим соврет, что кассету с фильмом про Гарри Поттера и диск с игрой “Кузя в космосе”. Обманывать нехорошо, но ведь если он скажет правду, сюрприза не получится!

Тридцать первого декабря время тянулось мучительно медленно. Они с мамой утром убрали квартиру, нарядили елку, украсили стекла снежинками – Максим их сделал в садике к празднику. Потом мама на кухне резала салаты и болтала по телефону с подругами, которые должны были прийти вечером в гости, а Максим не находил себе места от напряженного ожидания. Ведь завтра… да, уже завтра у него будет папа! Не может Дед Мороз его подвести! С трудом дождавшись вечера, он юркнул в постель и постарался поскорее заснуть, предвкушая, как утром проснется и услышит в квартире мужской – папин! – голос.

Наутро его встретила тишина. Максим нетерпеливо подскочил и прокрался в мамину комнату. Наверное, новый папа еще спит, поэтому так тихо… Но мама лежала на кровати одна. Рядом на раскладных креслах посапывали ее подруги. Папы не было. Не нашел его Максим ни на кухне, ни в туалете, ни в ванной. Даже в кладовку заглянул, но ничего, кроме старых пальто, там не обнаружил.

В отчаянии мальчик подошел к елке и увидел под ней пакет с надписью “Для Максима”. Внутри оказались кассета “Гарри Поттер”, диск “Кузя в космосе”, шоколадный заяц и много конфет в красивых обертках. Максим опустился на пол, поджав под себя босые ноги и обхватив руками коленки. Слезы побежали по щекам и закапали на пакет с подарками. Мир рухнул в одночасье – Дед Мороз оказался обманщиком.

– Максим! Максимка, что с тобой! – мама, испуганно склонившись над рыдающим ребенком, трясла его за плечи.

– Дед Мороз… обма… обманул… просил папу, а он… диск, кассета – зачем все это? Где папа? Мама, он обманщик! Дед Мороз – обманщик!

Мама, подхватив Максима под мышки, подняла его и усадила на диван. Присела рядом на корточки и серьезно посмотрела мальчику в глаза.

– Пойми, мой хороший, Дед Мороз – не обманщик. Он добрый волшебник, но не всемогущий. Он может устроить праздник, принести в дом подарки, но живого человека подарить не в состоянии. Люди сами знакомятся, влюбляются, обзаводятся друзьями – никакой волшебник не может в это вмешаться.

– А как же… как же чудеса?

– Мы сами устраиваем себе чудеса! Вот попроси меня сейчас о чем-нибудь – папу я прямо сегодня достать тебе не смогу, но что-нибудь другое приятное – попробую. Хочешь, сходим завтра в кафе, поедим мороженого? Или в цирк? Или на каток? Или в этот дурацкий МакДональдс?

– Ты же говорила, там еда вредная.

– Вредная, конечно. Но раз в год можно.

– Я хочу… Мам, я хочу, чтобы Снежная Королева больше никогда не приходила к нам! Я боюсь, что она когда-нибудь украдет меня и заставит составлять из льдинок слово “вечность”.

– Какая Снежная Королева? О чем ты?..

– Ну, няня моя – она ведь похожа на Снежную Королеву, неужели ты не замечала?

– Ох… Сынуля, что ж ты мне раньше не сказал, что боишься ее! Я

думала, она такая тихая, спокойная, и тебе с ней хорошо… Конечно, я найду другую няню, не похожую на Снежную Королеву!

* * *

Они с мамой сходили в цирк, и в МакДональдс, и на каток. И на санках с горки покатались, и “Гарри Поттера” вместе посмотрели. А когда череда выходных закончилась и Максим снова пошел в детский садик, его оттуда стала забирать не Снежная Королева, а молоденькая хохотушка Людочка. Максим быстро подружился с Людочкой – она играла с ним в лото и в прятки, помогала собирать из конструктора космический корабль и вырезать из бумаги смешные фигурки. Он даже сразу не заметил, что мама начала позже приходить домой, а иногда и на выходных просить Люду посидеть с ним. И внешне она как-то изменилась – прекратила хмурить лоб и жаловаться на начальника, все время улыбалась и что-то напевала себе под нос.

– Мама, а что это ты такая веселая? – однажды спросил Максим.

– Начинаю думать, что Дед Мороз действительно способен на чудеса, – загадочно ответила она.

А как-то вечером, когда Максим гулял с Людой во дворе и лепил большущего снеговика, его окликнул незнакомый голос. Мальчик удивленно поднял взгляд и увидел маму с высоким дядей. Дядя обнимал маму за талию, а она странно смотрела то на него, то на Максима, и глаза ее сияли.

– Познакомьтесь. Максим. Дима.

– Ну что, будем здороваться, как мужчина с мужчиной? – спросил Дима и протянул Максиму руку. – Дай пять!

Максим робко пожал огромную ладонь. На кончике языка плясал и рвался наружу вопрос, но Максим не решался его выпустить, помня про подавившегося чаем дядю. И тут Дима сказал:

– Ну вот, поздоровались, теперь можно и к делу. Максим, ты не будешь против, если я стану твоим папой?

А потом они взяли дома санки и отправились гулять по темным заснеженным улицам. Катались с горок, падали в сугробы, играли в снежки и в пятнашки. Максим бегал быстро, но Дима все-таки его догнал. Подхватил на руки и подбросил высоко-высоко, прямо к звездам.

– Димка, с ума сошел! Уронишь ребенка! – крикнула мама, но они – мужчины – в ответ только рассмеялись.

На следующий год Максим попросит у Деда Мороза сестренку. Или братика – он пока еще не решил. А может, сразу обоих?

Виктория Дегтярева

Рисунок Юлии Кузенковой

Эльфрин

Сказка для детей и взрослых

Давным-давно в одном далёком королевстве стряслась беда. В те времена подобные несчастья случались в далёких королевствах довольно часто. В пустынных горах неподалёку от столицы завёлся дракон. Ни один из рыцарей короля, ни все они вместе взятые ничего не могли с ним поделать.

Дракон был столь ужасен, что при виде него даже самый храбрый воин терял рассудок от страха и омерзения.

Очень скоро все рыцари королевства сошли с ума, и их пришлось запереть в сумасшедший дом. Дракон же продолжал бесчинствовать в своё удовольствие: жёг леса и пашни, отравляя воздух своим смрадным дыханием, и время от времени требовал на съедение девушку. С великой скорбью жители города исполняли его желание. В конце концов дракон обнаглел настолько, что приказал привести к нему королевскую дочь.

– Но у меня всего одна дочь! – вскричал несчастный король.

К счастью, принцесса была хорошей девушкой, и её любил не только отец. Многие придворные плакали вполне искренне, жалея бедняжку. Не говоря уже о служанках, которым принцесса за всю свою жизнь не отвесила ни одной оплеухи и не сказала ни одного грубого слова. Сердца женщин просто разрывались при мысли о том, что ждёт их прекрасную добрую госпожу. Дни напролёт служанки, проливая горькие слёзы, вспоминали и старые сказки, и жития святых, мечтая, чтобы кто-нибудь из легендарных воителей пришёл к ним в город и спас принцессу. Наконец, когда от горя и усталости их языки начали заплетаться, женщины вспомнили об эльфринах. Поскольку об этих существах знали далеко не все, служанки с большим интересом выслушали рассказ принцессиной кормилицы, которая, рассказав всё, что знала о них, вздохнула и промолвила:

– Сказочные они или нет, а больше нам надеяться не на кого!

Утерев глаза, смелая женщина встала и пошла прямо к королю.

В тот же день в королевском дворце состоялся совет. После того, как все сановники заняли свои места, король велел говорить самому старому придворному учёному.

– Так называемые эльфрины вовсе не сказочные существа, – произнес учёный. – Они такие же люди, как и мы с вами – я имею в виду их происхождение…

– Почему же их называют эльфринами? – спросил король.

– Тёмные, необразованные люди, Ваше Величество, дали им такое название. Образ жизни и род занятий налагает на эльфринов особый отпечаток, сообщая им таинственные свойства. Из-за этого их и путают с

эльфами или феями, что является сущей нелепицей. Эльфы и феи существа хитрые, лукавые и далеко не всегда добрые, в то время как эльфрины…

– Даже если ваши эльфрины такие чудесные существа, – перебил кто-то, – разве они смогут нам помочь? Ведь наш дракон – само воплощенное зло!

– Именно с такими тварями эльфрины и сражаются, – ответил учёный. – Если вы позволите мне совершить экскурс в историю, я смогу всё объяснить…

Совершить экскурс король позволил, однако посоветовал учёному быть предельно кратким.

– Повинуюсь, Ваше Величество, – поклонился учёный. – Как вы, должно быть, знаете, в нашем подлунном мире идёт война добрых начал со злыми. К сожалению, в неё втянуты и люди. Большинство, правда, предпочитает не замечать этого обстоятельства. Но есть и те, кто сражается на стороне добра. Именно этих Небесных Воинов наш государь и решил позвать на помощь.

– Подождите, я еще ничего не решил, – буркнул король. – Сначала я хочу выяснить, чем я буду обязан так называемым Небесным Воинам, а проще – эльфринам за их услуги.

– К сожалению, эльфрины небескорыстны, – вздохнул учёный, – В нашем понимании. Кровь своих воинов они ценят высоко. Обычно взамен они требуют отдать им царского сына.

– Но у меня всего один сын! – возопил бедный король.

Придворные расходились с совета в полном смятении.

– Они, может, и защищают добро, – шептались они, – но, знаете ли, эти их небесные войны для людей крайне опасны! Недаром говорится: на войне как на войне… Уж лучше нам держаться от всего этого подальше…

Но держаться подальше не было возможности: дракон не давал. И король всё-таки принял решение.

В той же самой стране и даже почти что в столице жил мальчик. Звали его Иоганн Теодор Георг Михаэль. Он вовсе не был важной особой – просто в тех краях было принято давать по несколько имён даже самым бедным детям. А Иоганн Теодор был даже не самым бедным. У самых бедных детей нет родителей и крыши над головой, и им приходится просить милостыню под чужими окнами. А у Иоганна Теодора были и дом, и мама с папой.

Сколько у него было братьев и сестёр, Иоганн Теодор не знал, потому что не умел считать. Но лет ему было примерно столько же. Большая семья жила неподалёку от городских стен в небольшом ветхом доме на краю села, терпеливо несла тяготы жизни и, отличаясь трезвым рассудком, на лучшее не надеялась.

Каково же было её изумление, когда в один прекрасный день к старенькой хибарке подкатила карета с королевскими гербами! Важный придворный объяснил отцу и матери Иоганна Теодора, что Его Величеству королю было угодно усыновить первого встречного мальчика, который окажется на пути кареты после того, как она выедет из города. Этим мальчиком оказался Иоганн Теодор Георг Михаэль.

Он как раз возвращался домой из лесу с вязанкой хвороста за плечами. Придворный велел ему бросить хворост и сесть в карету. Карета отвезла его прямо во дворец.

У Михаэля дух замирал, когда его вели по широкой светлой лестнице. В тронном зале собралась целая толпа богато разодетых вельмож. Король, восседавший на троне, строго посмотрел на мальчика, и Михаэль растерялся настолько, что забыл даже поклониться.

– Подойди ко мне, дитя, – велел король.

– Как тебя зовут? – спросил он, положив тяжелую руку на голову мальчика.

– Иоганн Теодор Георг Михаэль, – дрожащим голосом отвечал мальчик, – но можно просто Мильхен… Ваше Величество, – сообразил добавить он.

– Можно просто «отец», – как-то грустно улыбнулся король, – и даже не можно, а нужно. Ты меня понял?

– Да, я понял… папа, – запнувшись, ответил мальчик.

– Прекрасно! – ещё грустнее улыбнулся король. – Итак, да здравствует принц Михаэль!

Придворные подхватили клич и бурно захлопали в ладоши. Михаэль заметил, что из-за трона выглядывает какой-то мальчик. Мальчик был разодет не менее богато, чем сам король, и, хотя у него на голове в настоящий момент не было короны, Михаэль догадался, что видит принца Виллибальда Христофора Фридриха Амадея.

– Здравствуйте, Ваше Высочество, – сказал Михаэль.

– Ты должен звать меня братом, – ответил принц Виллибальд. – Чтобы эльфрины не догадались, что ты не родной сын моего отца.

– Какие эльфрины? – удивился Михаэль.

– Злые, страшные эльфрины, – ответил принц. – Дракон ест девочек, а эльфрины – мальчиков. Они хотели съесть меня, но отец решил отдать эльфринам тебя…

– Вилльхен, что ты там говоришь? – обернулся король.

– Я не хочу к эльфринам! – закричал Михаэль. – Отпустите меня! Мне страшно!

Конечно, Михаэля никуда не отпустили. Король строго отчитал принца Виллибальда за то, что он пугает своего нового братика, а потом объяснил зарёванному Михаэлю, что эльфрины совсем не страшные, никого они не едят.

– Они просто хотели пригласить к себе в гости царского сына, – говорил король, – но Вилльхен не может поехать, ведь он – наследник престола, и ему не до развлечений…

– Ну кто тебя за язык тянул?! – шепнул он принцу Виллибальду, когда Михаэля уводили из тронного зала.

Столица и её окрестности бурлили от нетерпения. Вместо того чтобы заниматься обычными делами, люди собирались кучками там и сям и обсуждали новости.

– Значит, король уже позвал их?

– Повезло-то как! Не моего сыночка встретила за воротами проклятая карета!..

– Говорят, они такие страшные, что дракон сдохнет, как только их увидит!

– Что за напасть?! То дракон, то теперь ещё эти чудовища…

– А когда они приедут?

– А вдруг они уже приехали? Я слыхал, они могут делаться невидимыми. Стоят сейчас и слушают, что мы про них болтаем.

– Ай! Где?!

– Господи, а я их – чудовищами!..

Страх делал лентяек и бездельников еще более любопытными. Какие бы ужасы ни говорились о таинственных эльфринах, каждый житель города скорее бы умер, чем отказался посмотреть на них хотя бы одним глазком. Настроение в городе было скорее праздничное, нежели печальное, несмотря на приказ короля, который повелевал всем подданным облечься в глубокий траур.

– Пусть эльфрины видят, как мы горюем по принцу Михаэлю, – сказал король. – Ибо если мы будем веселы и беспечны, у них могут возникнуть подозрения…

Наконец условленный день настал. С раннего утра горожане попрятались в своих домах. Крепко заперев двери и ставни, они приникли жадными глазами к замочным скважинам и оконным щёлкам. Лишь самые отпетые сорванцы побились об заклад, что они первыми встретят эльфринов, и залегли в кустах у Главной дороги, в траве у городских стен и в тени за городскими воротами. У дозорных на стенах от пристального внимания слезились глаза.

Весьма удивительно, что при такой всеобщей бдительности приезд отряда Небесных Воинов горожане всё-таки проворонили.

Кто-то на одно мгновение отвернулся от замочной скважины – и увидал лишь хвост последнего коня. Кто-то заметил на стене противоположного дома тень воина в высоком шлеме – и случайно упал с табуретки. Сорванцы в кустах у дороги, в траве у стены и в тени за воротами заиграли в кости, а когда услыхали стук копыт и подняли головы, отряд уже скрылся из вида. Дозорные протёрли слезящиеся глаза – а отряд уже въезжал на площадь перед королевским дворцом.

А король сидел на троне и ждал, когда дозорные сообщат ему о том, что эльфрины подъезжают к городу. Вместе с королём в тронном зале

находились принц Виллибальд, принц Михаэль, принцесса и все придворные.

Все сидели и молчали. В огромном зале царила такая тишина, что можно было бы услышать, как пролетит муха, если бы старательные слуги давным-давно всех мух во дворце не перебили. И зря. Молчание без единого звука было невыносимым. Михаэль не выдержал, встал и подошел к окну. Уткнувшись лбом в прохладное стекло, он стал смотреть наружу.

«Какие красивые солдаты у нашего короля! – подумал мальчик, глядя на вереницу всадников, проезжавшую под окнами. – Тот, что впереди, и сам одет как король, и лошадь его покрыта золотой попоной. Ах, какая лошадь! Вороная, в белых чулочках и с белой мордой – сразу видно,

добрая лошадка. Горячая, но добрая…»

Тут всадник, похожий на короля, поднял голову и посмотрел прямо в окно, у которого стоял Михаэль. У всадника было такое весёлое лицо, что мальчик невольно улыбнулся. А всадник помахал ему рукой.

Ехавшие следом два воина, увидав, что командир кому-то машет, обернулись тоже. От их улыбок Михаэлю стало так радостно, что он чуть не рассмеялся.

Следующие двое всадников уже не поражали взгляд роскошью одеяний, и попоны их лошадей были вышиты не золотом, а серебром. Но в их глазах сиял свет утренней зари, хотя и утро, и полдень уже миновали.

Всё новые и новые всадники проезжали перед Михаэлем, и его сердце билось всё горячее. Следом за офицерами ехали простые солдаты. Они не махали принцу рукой, но их взоры были полны столь пламенного привета, что Михаэль жмурился, как котёнок на солнцепёке.

Последними ехали новобранцы. Они почтительно склоняли головы перед названым принцем. Они не поднимали глаз на окно, и Михаэль был этому рад: его восторг и так был уже слишком велик и не помещался внутри, а лился наружу слезами счастья.

Замыкал колонну бедно одетый юноша на белой крестьянской лошадке. Сначала Михаэлю показалось, что у него даже нет оружия.

«Только из деревни, прямо как я!» – подумал мальчик, и его сердце сжалось от умиления: таким родным показался ему юный новобранец.

Михаэлю страстно захотелось увидеть его лицо.

«Я тут! Посмотри на меня!» – мысленно умолял его Михаэль, но скромный юноша проехал мимо, так и не подняв светлой, как лён, головы.

Михаэль смотрел ему вслед, всё сильнее прижимаясь к стеклу… и тут в тронный зал, гремя железом, влетел стражник с выпученными глазами.

– Они здесь! – крикнул он, позабыв какие бы то ни было правила придворного этикета.

– Кто?! Что?! Как?! – вскочил с трона король.

А они уже входили в зал. Впереди – в высоком шлеме, бархатном плаще и драгоценных доспехах – предводитель, тот самый, похожий на короля. За ним еще двое, и еще, и еще… Последним в зал вошёл светловолосый юноша и смиренно остановился у самых дверей.

– Эльфрины! – завопил, не помня себя, король и бросился вон из зала.

За ним, потеряв от страха голову и теряя по дороге кошельки и туфли, устремились придворные. К счастью, обошлось без давки: дверей в зале, кроме той, через которую вошли эльфрины, было предостаточно. В конце концов, перед Небесными Воинами остался стоять один Михаэль.

– Куда это они все убежали? – весело спросил предводитель эльфринов, скидывая роскошный плащ и отдавая шлем одному из офицеров.

Голос у Небесного Воина был бодрый и звонкий, как боевая труба. Он тряхнул головой, рассыпая по плечам каштановые кудри, и уселся в кресло, которое поднесли ему двое солдат.

– Садитесь, мой принц, – предложил он Михаэлю, и мальчик обнаружил, что позади него уже стоит точно такое же кресло.

– Неужели вы и есть эльфрины? – недоверчиво спросил Михаэль. – А все говорили, что вы страшные…

– Ха-ха-ха! Конечно, мы страшные! – рассмеялся предводитель. – А ты

как думал? Мы же воины!.. А ты, как вижу, нас не боишься?

– Нет, – признался Михаэль.

– Всё правильно, – кивнул эльфрин. – Ведь ты царский сын и наш следующий король.

– А сейчас кто у вас король? – спросил мальчик.

– Я, – улыбнулся эльфрин.

Конечно, Михаэль с самого начала так и подумал. Но без шлема и плаща предводитель эльфринов выглядел совсем иначе: человек как человек, и чудесного ничего в нём не было.

– Извините, Ваше Величество, – сказал Михаэль, поднимаясь с кресла, – я не знал…

– Сядь! – снова рассмеялся король эльфринов. – Какое я тебе Величество? Наше Величество – вон оно стоит…

Король махнул рукой, и, к великой радости Михаэля, юноша, стоявший у дверей, подошёл к своему повелителю и преклонил колено перед его креслом. Вот кто действительно был сказочным существом! На Михаэля он не взглянул, но мальчику показалось, что эльфрин видит его лучше всех, и знает, как лучшего друга, и думает о нём, как брат. Одна из его мыслей коснулась Михаэля легонько, как сквознячок – и в ней мальчик увидел себя: он сидел рядом с эльфрином и был счастлив, как никогда в жизни…

– Да, пожалуй, – согласился король эльфринов. – Я поручу принца тебе.

Тогда юноша поднялся и, подойдя к Михаэлю, преклонил колено уже перед ним. Достав из простых, ничем не украшенных ножен меч, он положил его у ног мальчика. Клинок сиял, словно отражая луч солнца.

Хотя за окнами было пасмурно.

– Ты принимаешь нашу дружбу, принц Михаэль? – строго спросил король в наступившей тишине.

Коленопреклонённый эльфрин наконец-то поднял голову и взглянул на Михаэля. Вот, почему так сияет обнажённый меч! Он лишь отражает свет этого лица – такого кроткого и прекрасного. От взгляда чудесных глаз – глубоких и ласковых, как само небо, теплеет холодная сталь…

– Да! – вскочив с кресла, Михаэль бросился к прекрасному юноше и крепко обнял его…

И упал в океан света и радости. Михаэль скакал по золотым-золотым рассветным облакам, конь, послушный, как мысль, обгонял утренний ветер, и плащ, как крылья, реял за спиной мальчика, а султан шлема почти касался самых ярких, последних звёзд… У Михаэля закружилась голова…

– Осторожнее! – донёсся словно издалека голос короля эльфринов, и мальчик очнулся.

Его новый друг стоял перед королём, смиренно выслушивая выговор.

– Потише мечтай, – строго говорил король. – Как знать, может быть, ничего этого не будет…

Король эльфринов печально вздохнул, но тотчас взял себя в руки.

– Ладно, господа, завтра в бой, а сегодня всем приказываю отдыхать. Вольно, разойдись!..

… На рассвете тронный зал осторожно прокрались двое королевских шпионов. Они хотели выяснить, что поделывают эльфрины. Но когда шпионы проникли в зал, там никого не оказалось. Только в одном из кресел, свернувшись клубочком и счастливо улыбаясь, сладко спал принц Михаэль.

– Напугали до полусмерти, а потом исчезли, как призраки! – с досадой говорил король. – Вот вам и Небесные Воины! Может быть, они струсили и сбежали?

– Нет! – воскликнул принц Михаэль, с трудом протолкавшись к трону сквозь толпу придворных. – Они уехали сражаться с драконом!..

Мальчик замолчал. Его сердце тоскливо сжалось.

– Хм, хотелось бы верить, что ты говоришь правду! – пробормотал король.

В тот же миг в зал вбежал запыхавшийся дозорный.

– Простите, Ваше Величество, – проговорил он, с трудом переводя дух. – Но там такое творится!..

Словно в подтверждение его слов, пол тронного зала вздрогнул, как от землетрясения. Впрочем, задрожал не только дворец: весь город заходил ходуном от подвалов до самых крыш, причиняя кучу неприятностей горожанам. Кто-то, собираясь спокойно позавтракать, только-только приготовил себе бутерброд – и с перепугу уронил его. Бутерброд, конечно же, упал маслом вниз. Кому-то горячий чай выплеснулся прямо на колени…

– Опять эти эльфрины! – недовольно вздохнули горожане. – Нашли время затевать сражение, ничего не скажешь!..

Поскольку завтрак всё равно был испорчен, все устремились на городские стены. Король со свитой направился туда же. Михаэля король взял с собой, а следом, тайком от отца и воспитателей, увязался принц Виллибальд.

Стоя на городской стене и глядя на клубящийся вдали чёрный дым, Михаэль цепенел от горя. Он не видел ни дракона, ни эльфринов, но, судя по тому, как содрогалась земля, бой был ужасен.

– А дракон-то наш – крепкий орешек! – неожиданно сказал король, опуская подзорную трубу. – Сколько они уже с ним возятся!..

Придворные, уловив королевское настроение, с готовностью захихикали. Они и сами радовались, что на грозных эльфринов нашлась управа. Ведь по милости этих чудовищ все они, от короля до последнего слуги, всю ночь протряслись от страха, забравшись под кровати…

Михаэль, услыхав смешки, вырвался из рук придворного воспитателя и бросился прочь.

Он выбежал за городские ворота и остановился в отчаянии на пустынной дороге. Нет, до поля боя ему не добежать. Придется стоять здесь, терзаясь страхом за друзей… Неужели дракон и впрямь так силён, как говорят люди на стене?! В таком случае дело плохо: ведь Небесные Воины никогда не отступают. А значит, они погибнут все – и весёлый красавец король, и его верные офицеры, и простые солдаты, чьи глубокие глаза сверкают, как звёзды, и…

– Нет! Нет! Нет! – закричал Михаэль, падая на колени. – Он не может умереть! Он обещал, что мы никогда не расстанемся!..

Весь вчерашний вечер его новый друг эльфрин рассказывал мальчику о будущем, о таинственной и прекрасной жизни. Эльфрин не мог сдержать своей радости за Михаэля, и мальчику казалось, что даже воздух вокруг него искрится от счастья. Король с улыбкой поглядывал в их сторону. Лишь один раз повелитель эльфринов не удержался от замечания – когда прекрасный друг Михаэля словно нехотя упомянул о подвигах, которые, впрочем, не так трудны, как кажутся…

– Вы не больно-то его слушайте, Ваше Высочество, – сказал король, отозвав мальчика в сторонку. – Не то, чтобы он обманывал вас – Небесные Воины всегда говорят правду. Просто ему самому уже никакой подвиг не труден и никакой труд не страшен. Но поначалу всем бывает нелегко. Жизнь у нас суровая – всё-таки мы на войне…

– С вами мне не страшно, – сказал мальчик. – Я теперь, наверно, по-другому жить и не смогу…

Король внимательно посмотрел на него.

– Запомни свои слова, принц Михаэль, – сказал он.

«Я помню свои слова! – клялся Михаэль, глядя сквозь слёзы на пустую дорогу. – Я не хочу остаться один! Вернитесь, пожалуйста!..»

Земля вздрогнула в последний раз и… успокоилась. Чёрный дым за горизонтом посерел, потом побелел и растаял. Далеко-далеко впереди на пустой дороге показались всадники…

Михаэль бросился вперед. С каждым шагом он всё лучше видел приближающийся отряд. Видно, что воины смертельно устали, многие, должно быть, ранены – еле держатся верхом… Михаэль остановился,

как вкопанный. Одна лошадь шла без всадника – вороная лошадь с белой мордой. Бархатный плащ был перекинут через пустое седло.

Отряд остановился.

– Доброе утро, мой принц, – сказал один из старших офицеров, и Михаэль встрепенулся: это был голос короля!.. Бывшего короля.

– Не узнал? – спросил он.

Михаэль молча помотал головой. Бывший король действительно сильно изменился. И глаза, и улыбка – всё стало иным. Вот теперь он, хотя и немножко, но всё-таки стал походить на эльфрина.

– Я очень боялся, – промолвил бывший король. – Это была моя первая битва. Но, к счастью, я выдержал. Теперь я не король, а герцог. Надеюсь, когда-нибудь мне удастся стать простым солдатом.

Михаэль ничего не понимал.

– У нас всё по-другому, – объяснил герцог. – Тому, кто сильнее всех, уже не нужны все эти игрушки…

Герцог развёл руками, показывая на золочёные доспехи и меч в драгоценных ножнах.

– Но стать святым сразу нельзя, – добавил он. – А так хочется поскорее оказаться там, среди последних, которые на самом деле – первые…

Михаэль посмотрел в конец отряда… и его сердце упало. Своего друга он не увидел. На белой лошадке ехал другой эльфрин.

– А где же… – начал было Михаэль, но договорить не смог, потому что ему всё стало ясно.

– Не хочу! – прошептал он, садясь прямо на дорогу. – Не хочу…

«Он сказал, что мы никогда не расстанемся! – подумал мальчик. – Он

обманывал…»

– Эльфрины не лгут, – строго проговорил герцог. – Ты же знаешь, что смерть – это не конец. Тем более смерть в бою…

– Нет… – повторил Михаэль.

«Так нечестно. Он был самым лучшим. Пускай бы погиб другой…»

– Да, он был лучшим, – сказал герцог. – И справиться с вашим драконом мог только он.

– Неправда…

– Михаэль, – герцог грустно покачал головой, – твоим другом он был всего полдня, а мы лишились брата. Чья скорбь сильнее?

– Что-то я не вижу, что вы скорбите!

– И не увидишь! Тебе не дано заглядывать в наши сердца, если мы того не хотим. Твоя же душа обнажена перед нами, я вижу в ней не только скорбь, но и упрямство. Ты думал, что всё будет так, как ты себе представлял, а вышло иначе. Ты отступаешь перед первой же трудностью. А что будет дальше?

В глубине души Михаэль чувствовал, что герцог прав, но признаться в этом… о нет! Это было невозможно! И он растравлял свою рану, как мог.

– Где вы его похоронили? – плача злыми слезами, спросил мальчик.

– Мы не хороним павших…

– Значит, вы его оставили… на корм воронам… какие вы жестокие!.. Значит, вы просто притворялись добрыми, а на самом деле, вы… Вы ужасные бессердечные создания!..

Михаэль и сам чувствовал, что его несёт совсем не в нужную сторону, но остановиться не мог.

Герцог выпрямился в седле, подбирая поводья.

– Оставим разговоры, – устало промолвил он. – Принц Михаэль, ты едешь с нами?

– Помилуйте, господин! – на дорогу, откуда ни возьмись, выбежали родители Михаэля. – Сжальтесь над бедными людьми! Этот мальчик вовсе не царский сын! Король обманул вас!..

– Михаэль, ты едешь? – словно не услышав, повторил герцог.

– Не поеду! – упёрся мальчик;

«Вот если бы он заставил меня поехать» – подумалось ему.

Герцог лишь тяжко вздохнул.

– Мы никого не заставляем, – сказал он. – Мы не можем лишить тебя права выбора. Так что, Михаэль, ты едешь или нет?

Михаэль уже раскаялся и хотел сказать «да», но губы шепнули еле слышно:

– Нет!.. – и тотчас же он понял, что этот миг был последним…

Герцог посмотрел на него непередаваемо скорбным взглядом.

– Горе этому мальчику, – сказал он. – Горе этому городу. Горе королю, пытавшемуся обмануть эльфринов.

От его негромкого печального голоса вздрогнула земля. Родители Михаэля, полумёртвые от страха, повалились ниц. Даже Михаэль зажмурился… А когда открыл глаза, на дороге перед ним никого не было.

Когда Михаэль вернулся в свой ветхий домишко, его бабушка заплакала от счастья.

– Живой-здоровый! – всплеснула она руками. – А чего ещё-то желать благоразумному человеку?

Под старость она почти ослепла и не увидела, какое расстроенное лицо было у внука.

А город тем временем готовился к празднику. Улицы украшались цветами, на кухнях готовилось угощение, на дворцовой площади устанавливали машины для фейерверка. В домах царила суматоха:

женщины сбивались с ног, стараясь одеться понаряднее, ведь такого торжества город ещё не видел.

Шутка ли – от дракона избавились!.. Мужья сбежали от греха подальше и попрятались в винных погребах. К вечеру каждый из них был уверен, что дракона победил именно он, а эльфрины всем только приснились.

Праздник начался в сумерках. Небо зажглось разноцветными сполохами, музыка загремела на всю округу. Сначала из дома сбежали сёстры Михаэля, следом отправились братья. Наконец и папа с мамой тоже решили прогуляться. Дома осталась только старая бабушка, которая была не только подслеповата, но и слышала неважно. Шум праздника не мешал ей тихонько дремать в уголке у очага.

А Михаэль пытался заснуть и не мог. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним появлялся герцог эльфринов. И сердце мальчика снова и снова вздрагивало от грозных слов и грустного взгляда… Михаэль не выдержал, встал с постели и вышел на крыльцо.

Праздник был в самом разгаре. Фейерверки сверкали, музыка гремела, изредка с городских стен бабахал салют… А с дальних холмов дул печальный, холодный ночной ветер.

«Они предупреждали, что я уже не смогу жить так, как раньше», – с безнадёжной тоской подумал Михаэль.

«Да нет, это же я сам сказал!..» – вспомнил он.

Мальчик сел на крыльцо и заплакал. Заплакал, как взрослый – понимая, что от слёз легче не станет, и следом за горем уже не придёт радость. Он упустил свой праздник. Так, приткнувшись к дверному косяку, он и задремал.

И во сне он увидел его. Его друг эльфрин был жестоко изранен, но та боль, что жила в его взоре, была стократ тяжелее, чем боль от ран.

– Что же ты наделал, Михаэль! – чуть слышно проговорил воин. – Что же ты наделал!..

– Я теперь проклят, да? – с замиранием сердца спросил мальчик.

– Проклят? Но мы никого не проклинаем!

– Но герцог сказал «горе этому мальчику»!

– Ты мог стать Ангелом, но не стал им.

– Ещё он сказал «горе этому городу», а город веселится и празднует…

– Не до праздника ему будет в день Последней Битвы, когда у него не будет защитника.

– Ещё было сказано «горе королю»!..

– Чужие грехи пусть тебя не касаются.

– Мы с тобой больше не увидимся, да?.. – упавшим голосом произнёс мальчик.

– Я никогда тебя не оставлю, – ответил эльфрин, – ведь наш король отдал тебя мне. А вот увидишь ли меня ты, узнаешь ли…

Голос эльфрина звучал всё тише и тише, и сам он таял, как утренний туман. Михаэль бросился к нему… и проснулся.

Была уже глубокая ночь. Михаэль совсем озяб и вернулся в дом.

До утра веселился освобожденный город. До утра проплакал в подушку принц Михаэль.

Но вот утро настало. Праздник кончился, и народ возвратился к своим ежедневным заботам. Михаэлю тоже пришлось встать и пойти в лес за хворостом, как обычно.

А когда он шёл назад, он снова увидел королевскую карету. Карета свернула с дороги в сторону его дома. Михаэль бросил свой хворост и побежал следом.

Карета действительно остановилась около его дома. Михаэль видел, как

из кареты вылез нарядный придворный и вошёл в дом. Когда же мальчик наконец добежал до дома, придворный уже вернулся в карету и велел трогать. На Михаэля он даже не взглянул.

Михаэль вошёл в дом и по лицам домочадцев понял, что случилось нечто очень важное. У Михаэля промелькнула мысль, заставив его колотящееся после бега сердце забиться ещё сильнее: мальчик подумал, что эльфрины вернулись…

– А вот и Мильхен! – воскликнул отец, – Вот и наш кормилец!

Почему-то Михаэлю показалось, что отец сердится на него. Из-за чего? Ах да, он же не принёс ни веточки хвороста!

– Я оставил хворост у дороги, – сказал мальчик, – я сейчас за ним схожу!

– Нет, сынок! Никакого больше хвороста тебе носить не придётся! – улыбнулся отец. – И матери больше не придётся полоть сорняки и крапиву! И сёстрам и братьям не нужно больше трудиться в поте лица! Смотри, что привёз нам первый министр Его Величества!

С этими словами отец открыл лежащий на столе кошель, который Михаэль сначала не заметил. На стол заструился поток золотых монет.

– Король наградил тебя за помощь, – объяснил отец. – Ещё он подарил нам дом в городе с мебелью и прислугой, так что мы сегодня же переезжаем в новое жилище!

В доме поднялась суматоха. Все кое-как подкрепились (отец сказал, что они в последний раз едят чёрствый хлеб без масла) и начали перебирать вещи, которые будут нужны в новом доме. Таких вещей почти не оказалось, даже праздничные платья сестер, бережно хранившиеся в сундуках, уже не казались никому нарядными. Отец запряг в хорошую крепкую телегу немолодую уже лошадку, добрую свою помощницу, но и лошадка и телега в свете золотых монет выглядели убого. Отец решил

продать их на ближайшей ярмарке, а пока делать нечего – пришлось ехать на том, что есть.

Городской дом показался новосёлам просто сказочным дворцом. Поначалу все чувствовали себя как гости и стеснялись своей более чем скромной одежды: слуги были одеты куда лучше. Пришлось потерпеть, пока портные шили новые платья, плащи, камзолы и всё прочее. Впрочем, ждать пришлось недолго: портные получили двойную плату за срочность заказа.

Так для семьи Михаэля началась новая жизнь. Сестёр посадили за пяльцы и клавесин, мать распоряжалась по хозяйству (из неё получилась строгая домовладелица, слуги боялись попадаться ей под руку). Мальчиков отец отдал в школу, а сам занялся торговлей. Торговал он удачно, и вскоре сделался одним из самых богатых людей в королевстве. Потом к тому же делу он определил выросших сыновей; Михаэль, достигнув двадцатилетнего возраста, стал торговцем лошадьми.

Это занятие было ему по душе. Во-первых, он любил лошадей, во-вторых, ему приходилось много путешествовать. В отличие от прочих купцов, ему нравились путешествия. Михаэля неудержимо тянуло за горизонт. Ему казалось, что он вот-вот заглянет куда-то, где раскрываются все тайны и разрешаются все загадки бытия. Но каждый раз его постигало разочарование. Чужие города только издали напоминали сказочные замки, а стоило подойти поближе – вся таинственность и прелесть рассеивалась без следа. Впрочем, Михаэль вырос достаточно практичным человеком, чтобы сильно не расстраиваться из-за этого.

Вскоре отец и сыновья были представлены ко двору государя и получили звания Поставщиков Его Величества. То была великая честь и ответственность. Отец поставлял королю вина, сыновья – кто приправы и пряности, кто сладости, кто шёлк и бархат. А Михаэль сделался главным конюшим короля.

Теперь не он ездил за товаром, а сам товар шёл к нему, и из сотен прекрасных лошадей он выбирал прекраснейших, так что королевская

конюшня не имела себе равных.

Но сам король не интересовался этой стороной своего богатства. Лошадей он покупал не для себя, а для своего сына Виллибальда, который с детства увлёкся лошадьми. Однажды, проходя по конюшне и осматривая её драгоценных обитателей, принц Виллибальд вздохнул:

– Хороши эти лошади, но нет среди них ни одной достойной меня!

– Но на таких лошадях ездят только короли или султаны! – почтительно поклонился Михаэль.

– А я хочу такую же, как у эльфринов! Ведь вы помните, какие у них были лошади?

– Да, что-то я такое припоминаю, – кивнул Михаэль, – словно это был сон или сказка…

– Словом, найдите мне такую лошадь! – сказал принц Виллибальд. – А пока не найдёте, не смейте показываться мне на глаза.

И пришлось Михаэлю снова отправляться в путь. Стараясь угодить принцу, он снова и снова пытался припомнить эльфринов и их лошадей. И память его оживала, оживала и его тоска, от которой плакал он в детстве и которую пытался забыть в юности. И однажды на корабле ему приснился сон: он увидел своего бывшего друга-эльфрина. Эльфрин лежал на выжженной драконьим пламенем земле, израненный, умирающий, и просил: «Михаэль, услышь меня! Вспомни меня!»

Михаэль проснулся в своей каюте, и подушка его была мокрой от слёз, а корабль уже пристал к берегу.

Михаэль уже не раз был в этом городе, ибо в этой столице степного княжества кони были самых чистых кровей. Сойдя с корабля, он отправился прямо на конный базар.

Каких только лошадей тут не было! Михаэль уже три часа бродил по

базару, отмахиваясь от назойливых продавцов. Он устал и страшно хотел пить – жара стояла нешуточная. Похоже, нужной лошади тут нет…

Михаэль решил вернуться на корабль. Он прикидывал в уме, сколько стран ему ещё нужно объездить, и думал, в какую ехать сначала, как вдруг кто-то дёрнул его за рукав.

– Хотите посмотреть мою лошадку?

Михаэль обернулся. Перед ним стоял горбатый старичок.

– Здесь недалеко…

Усталый Михаэль покорно разрешил отвести себя к шатрам на окраине базара. Там старичок сначала дал ему воды, а потом уже пригласил в шатёр. В шатре стоял конь… Сердце у Михаэля подпрыгнуло и забилось часто, словно от бега. Он узнал его, узнал коня короля эльфринов! Вороного, в белых чулках и с белой мордой, с горящими глазами, с воздушной гривой и пышным хвостом – впрочем, все слова меркли перед его красотой. Михаэль чуть не заплакал.

– Хорош конь? Стрелу обгоняет! Огонь, а не жеребец! Для тебя держал, никому не показывал! На него все короли и принцы зарились, а я тебе продам! – расхваливал свой товар старичок, и загнул такую цену, что у Михаэля глаза полезли на лоб.

– Так я же не только коня тебе продаю! – сказал старик. – Я тебе его вместе с конюхом продаю! Эй, где ты там, бездельник!

В шатер зашёл юноша лет шестнадцати и, поклонившись, застыл с опущенной головой.

– Да не нужен мне конюх! – сказал Михаэль, рассматривая светлую льняную макушку. – Будто нам во дворце конюхов не хватает!

– Так ведь с этим конём не каждый поладит! – гнул своё продавец. – А

мальчишка ловкий, хоть на конюшне, хоть где работать сможет!

– Ладно, я согласен, – махнул рукой Михаэль.

Принц Виллибальд был доволен. Он щедро наградил Михаэля и, горя нетерпением, велел немедленно седлать красавца коня.

– Мой господин! – вдруг заговорил юноша-раб, обращаясь к принцу. – Вам нельзя садиться на этого коня! Этого коня купил вот этот господин!

Юноша показал на Михаэля. Принц рассмеялся.

– А это существо, оказывается, говорящее! Забавно! Я-то думал, что это палка от метлы!

Конюхи принесли нарядное седло с драгоценной уздечкой и попытались было надеть всё это на коня, но он встал на дыбы, не давая к себе прикоснуться.

– Что вы там возитесь? – рявкнул принц. – Вы что, никогда лошадей не видели?!

– Позвольте мне, господин, – сказал юноша.

Он вошёл к разъяренному коню, и тот мгновенно присмирел. Юноша спокойно надел на него седло и уздечку и вывел из стойла.

– Вам всё равно нельзя садиться на него, мой господин, – повторил он. – Это конь короля эльфринов!

Но принц вытянул раба хлыстом и взлетел на коня. Конь заржал, заплясал на месте и вдруг рванулся к воротам конюшни, которые, на счастье, были открыты.

– Откуда ты знаешь про эльфринов? – спросил Михаэль.

– Слышал от людей, – ответил юноша, глядя в землю.

С тем они и расстались. Михаэль пошёл домой (у него, как у всех братьев, уже имелся собственный дом), поужинал и уже готовился

отойти ко сну, как в его двери громко постучали.

– Именем короля! Откройте!

Перепуганная служанка бросилась открывать. За дверью стояли стражники.

– Иоганн Теодор Георг Михаэль! Вас приказано немедленно доставить во дворец Его Величества!

– Что-то случилось? – спросил Михаэль, снимая домашний халат.

– Случилось, – мрачно отозвался стражник. – Лошадь, которую вы купили, убила принца Виллибальда и ускакала неведомо куда.

Во дворце царил полный переполох. Бегали слуги, служанки громко плакали, доктора хранили невозмутимый вид. Стражник немного преувеличил новость: принц Виллибальд не погиб, но был недалеко от смерти.

Михаэля отвели в покои старого короля.

– Что вы наделали! – закричал король, едва увидал Михаэля. – Что за чёрта вы купили моему бедному мальчику?!

Бедному мальчику было уже за тридцать, как и Михаэлю.

– Государь, но принц желал иметь коня такого же, как у эльфринов…

– Ах, они всё-таки дотянулись до моего сына! Проклятые эльфрины! Горе мне, горе! Ступайте прочь с глаз моих! И лучше вам больше не появляться в моём городе!

Михаэль поклонился королю и отправился домой – надо было готовиться к отъезду.

Странно, но на городских улицах в этот поздний час было полным-полно народу. Михаэль сначала удивился, а потом всё понял. Горожане стояли кучками и горячо обсуждали новость: принц Виллибальд убился, упав с

лошади.

– Принц ещё ни разу не падал!

– Но эта, говорят, зверюга страшная!

– Говорят, она огнём дышит!

– И может перескочить городскую стену!

– А хозяин её – бес из преисподней!

– Да, страшный, чёрный, как эфиоп!

– Король его сразу в темницу велел. Нешуточное ж дело, не на кого-нибудь, на наследника покусился.

– Когда его казнить-то будут, не знаете?

– Король велел завтра!

– И в самом деле… Чего тянуть-то?

Михаэль понимал, что самое умное сейчас – это поскорее собрать вещички поценнее и убраться из города подальше. Глядишь, одной казнью король не утешится… И наоборот, самое глупое – делать то, что пришло ему в голову.

– Чем могу служить? – спросил Михаэля старший тюремщик.

– Мне… того, который… чья лошадь вчера… – пробормотал, смущаясь, Михаэль.

– Нет, к нему мы не пускаем, – сказал тюремщик, – а зачем вам его видеть, позвольте полюбопытствовать?

Михаэль замешкался – он не успел придумать благовидного предлога. И потому сказал правду. По крайней мере, большую ее часть:

– Понимаете, я вроде как виноват перед ним. Это ведь из-за меня он тут оказался, в нашем королевстве. Я купил для принца коня… вместе с конюхом.

Ну и мне хочется… чтобы ему было сейчас не так одиноко. – Он не стал говорить про то, что слова юноши об эльфринах не давали ему покоя. Вместо этого спросил:

– Это ведь правда, что его… завтра?

– Да, на рассвете. Зрелище будет хорошее, – довольно улыбнулся тюремщик.

– Значит, мне нельзя с ним поговорить? – печально вздохнул Михаэль,

– К сожалению. Вот если бы вы тоже были арестованы…

– Так арестуйте меня! – попросил Михаэль, кладя на стол тюремщика туго набитый кошелек.

– Скажите, вы… как бы это выразиться… в своём уме? – после недолгого молчания поинтересовался тюремщик.

– Абсолютно! – Михаэль и сам весьма в этом сомневался, но заставил свой дрожащий голос звучать как можно увереннее.

– И за что же мне вас арестовывать? – спросил тюремщик.

– За попытку дачи взятки должностному лицу, – предложил Михаэль.

– Гм… Ну ладно, пойдёмте, воля ваша, – сказал, пряча кошелёк и поднимаясь из-за стола, тюремщик. – Сами понимаете, детишек кормить надо… Вам кандалы надевать или как?..

Вскоре Михаэль очутился в камере-клетке, всё убранство которой состояло из двух охапок соломы. Ему принесли кусок черствого хлеба и кружку воды.

Михаэль осторожно присел на солому. Напротив него ничком лежал жестоко избитый паренёк. Кажется, он был без сознания. Или спал.

– Воды! – вдруг проговорил он.

Михаэль взял свою кружку, подошёл к бедняге и помог ему приподняться. Юноша выпил воду и, выронив кружку, бессильно повис на руках Михаэля.

– Здравствуй, Михаэль, – сказал он.

– Откуда ты меня знаешь? – удивился Михаэль.

– А ты… разве не узнаёшь меня?

Михаэль, задрожав от волнения, всмотрелся в бледное лицо, и сквозь

ничем не примечательную внешность ему на мгновение блеснул иной лик.

– Это ты! – воскликнул Михаэль.

Эльфрин слабо улыбнулся.

– Я боялся, что ты испугаешься, не придёшь, – сказал он. – А теперь всё в порядке, ты победил себя…

– Ну… кажется, мне немного помогли, – признался Михаэль.

Михаэль взял свою солому и перебрался к изголовью эльфрина. Час проходил за часом, а друзья всё не могли наговориться. Вернее, говорил по большей части Михаэль. Он рассказал другу обо всём, что испытал за эти десять с лишним лет, позабыв, что друг его всё знает. Но эльфрин всё равно внимательно слушал его и иногда тихо плакал.

– …и все эти годы мне было так грустно, так одиноко, – вздохнул Михаэль.

– Я знаю, – ответил эльфрин. – Это моя печаль жила в твоем сердце.

– …я чувствовал себя чужим в этом мире…

– Это мы не давали миру завладеть тобой, Михаэль, я и мои братья по оружию. Все эти годы мы сражались за твою душу. Первого испытания ты не выдержал, когда был ребёнком. Второе испытание ждёт тебя завтра, Михаэль, и оно намного труднее, чем то, первое. Но если ты не выдержишь и откажешься от него, третье испытание, ждущее тебя в старости, будет ещё тяжелей.

…Давно уже стояла глубокая ночь. Михаэль сидел на соломе около своего друга и смотрел сквозь зарешёченное оконце на яркие зимние звезды.

– Я должен проститься с тобой, Михаэль, – тихо сказал эльфрин. – Плоть была дана мне ненадолго, к утру она истает… ничьи глаза больше не увидят меня. Тебе надо уходить отсюда. Представь, что будет, когда завтра утром тебя найдут здесь одного.

Михаэль молчал. Да, самое умное было постучать в дверь, позвать тюремщика и сказать, что осознал, сколь преступно давать взятки должностным лицам, что эту вину можно искупить разве что штрафом… за которым надо сходить домой.

Тюремщик добрый человек, несмотря на свою жадность. Он еще не знает, что ждет его завтра, когда узника в камере не окажется. Решат, что помог преступнику бежать – а по закону это кончится для бедняги эшафотом. Стоило ли его, Михаэля, спасение такой цены? Как потом жить, все время помня?..

– Ну что ж, – собрав всё своё мужество, ответил Михаэль. – Мне придется заменить тебя.

– Ты твердо решил? – спросил эльфрин. Он не спрашивал у Михаэля, что и почему. Видать, и так понял.

– Да. Ты однажды умер за меня… за всех нас. Теперь мой черёд. Всё правильно…

Друзья помолчали.

– А ты ведь до сих пор не знаешь, что я вовсе не царский сын, – сказал Михаэль.

Эльфрин слегка повернул голову и посмотрел на Михаэля. Слабая улыбка озарила его лицо.

– Я знаю, что первым человеком на дороге кареты был ты, царский сын. Ты нёс вязанку хвороста.

– Вот видишь, никакой я не царский! Разве царские дети собирают хворост в лесу?

Эльфрин закрыл глаза и сжал руку Михаэля.

– С тех пор, как Царь Небесный родился у бедной Девы и зарабатывал Себе пропитание, трудясь плотником, такие мелочи не имеют никакого значения. И поэтому ты – царский сын, кем бы ты ни был, Михаэль.

– А умирать… это больно? – шёпотом спросил Михаэль.

– Думай о том, что ждёт тебя после…

И Михаэль снова увидел себя верхом на лошади, с мечом и шпорами,

скачущим по дороге золотых рассветных облаков. Султан его шлема, казалось, касается последних звёзд, а конь, послушный, как мысль, обгоняет утренний ветер… Всю ночь ему снились светлые сны.

Проснулся Михаэль от крика старшего тюремщика.

– Куда он подевался?! Вчера ещё был здесь! Это какое-то колдовство!..

Ему отвечал раздраженный голос королевского чиновника:

– Да вы в своем уме? Всё уже готово, народ ждёт… Вы понимаете, что будет, если казнь сорвётся?! Сами полезете в петлю!..

– Не печальтесь, – сказал Михаэль, – я готов… готов умереть вместо него.

Тюремщик сначала не поверил собственным ушам, а потом, поверив, несказанно обрадовался.

– Если б все заключённые были такими, как вы! – умилённо проговорил он, утирая невольную слезу. – Тихими, скромными, самоотверженными… Не волнуйтесь, палач у нас опытный, вы и испугаться не успеете…

На площади яблоку негде было упасть. Толпа напирала, и конные гвардейцы с трудом сдерживали её. Михаэль смотрел вокруг затуманившимся взором и краем уха слышал, как судья зачитывает приговор.

– … приговаривается к казни через повешение.

Михаэль уже терял сознание от страха, как к его лицу прикоснулось что-то холодное и влажное.

Судья удивился и замолчал. Площадь замерла. Зрение вернулось к Михаэлю, и он увидел, как на площадь и на эшафот, кружась, танцуя, падают… снежинки. Их становилось всё больше и больше. Люди изумлённо озирались. Лошади фыркали. Судья попытался смахнуть снег с приговора, но добился лишь того, что чернила размазались, и читать дальше стало невозможно.

Снег падал всё гуще. Поднялась метель.

– Что это такое? – удивлялись все. – Это чудо! Настоящее чудо!

А снег всё падал себе и падал. В грудь Михаэлю угодил крепко слепленный снежок, и следом раздался озорной мальчишечий смех.

А снегопад усиливался с каждой минутой. Вот уже и на эшафоте намело сугроб по колено, стало холодно. Толпа начала рассеиваться – или её просто не стало видно из-за снега?

В снежную бездну канули судья и палач; Михаэль остался один под мятущейся завесой снегопада. Впрочем, нет, не один. Кто-то высокий стоял рядом, в темном одеянии.

– Ну что ж, пора! – вздохнул непонятно откуда взявшийся незнакомец, подставляя ладони и лицо снегу. Капюшон упал с его головы.

– Ах! – удивился Михаэль: перед ним стоял Предводитель эльфринов.

Предводитель положил ему на плечо тяжёлую руку, и Михаэль почувствовал, как душа его наполняется светом и отвагой. Предводитель улыбнулся.

– Так ты едешь с нами, принц Михаэль?

К ночи снегопад закончился. А утром на городских клумбах и в цветочных горшках распустились прекрасные белые лилии. Учёные бросились изучать столь удивительное явление, но нисколько в этом не преуспели: очень скоро все лилии были сорваны горожанами, и особенно – горожанками, каждая из которых хотела заполучить хотя бы один цветок, чтобы украсить им причёску.

Лилии завяли, и город вернулся к своей обычной жизни: к труду и сплетням, к маленьким радостям и печалям. Ведь это был самый обычный город в обычном далёком королевстве. И жили там обычные люди, чья память не могла долго хранить ни бед, ни радостей. Забылся дракон, забылись и эльфрины.

Но в день Последней Битвы всё вспомнится. И люди поймут, что дракон завёлся у них не случайно, и пролитая за них кровь была дороже всего мира. И узнают, что у города есть защитник.

Людмила Дунаева

Иллюстрации Наталии Кондратовой

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Фома» — православный журнал для сомневающихся — был основан в 1996 году и прошел путь от черно-белого альманаха до ежемесячного культурно-просветительского издания. Наша основная миссия — рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества. Мы стремимся обращаться лично к каждому читателю и быть интересными разным людям независимо от их религиозных, политических и иных взглядов.

«Фома» не является официальным изданием Русской Православной Церкви.

В тоже время мы активно сотрудничаем с представителями духовенства и различными церковными структурами. Журналу присвоен гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви».

Если Вам понравилась эта книга — поддержите нас!